

3608

4-4
Рос 7-445

МАРТ-АПРЕЛЬ 1925 Г.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

MARCH-APRIL, 1925

PRICE 15C

RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

Оглавление

Заметки	3	стр.
В память парижских коммунаров	5	„
Революционное действие и здравый смысл	6	„
Вековая борьба	8	„
Против войны	12	„
В одиночестве	14	„
Углекоп — двигатель прогресса — в тисках мертвой руки	16-17	„
Социальные силы	18	„
О диагональном отрезе, капусте и о прочем	20	„
Нужны ли рабочим классовые организации	21	„
Доклад Джона Тернера	23	„
Памяти старого товарища	25	„
Человеческое рабство	26	„
В стальных заводах Гэри	27	„
Среди книг	29	„
Положение политических ссыльных под режимом РКП	30	„
Из жизни организации И. Р. М.	30	„

Программа Индустриальных Рабочих Мира

Рабочий класс и класс хозяев не имеют между собой ничего общего. Между ними не может быть мира до тех пор, пока голод и нищета царят среди миллионов народа, а маленькая кучка, составляющая класс хозяев, пользуется всеми благами жизни.

Между этими двумя классами борьба должна продолжаться до тех пор, пока рабочие всего мира, организованные как класс, не завладеют землею и всеми средствами производства и не уничтожат системы наемного рабства.

Мы находим, что централизация производства, управление которым сосредоточивается в руках все меньшего и меньшего количества лиц, делает тред-юнионы неспособными бороться с постоянно растущей силой хозяев.

Тред-юнионы создают такое положение дел, при котором в одной и той же промышленности одна категория рабочих может быть противопоставлена другой, способствуя этим самым обоюдному поражению в борьбе против класса хозяев. Сверх того тред-юнионы помогают классу хозяев вводить рабочих в заблуждение, прививая им ложное мнение, что рабочий класс имеет общие интересы с предпринимателями.

Это печальное положение дел может быть изменено и интересы рабочих могут быть защищены только организацией построенной таким образом, что все ее члены в какой либо одной отрасли промышленности, или во всех отраслях, если это необходимо, прекращают работу всякий раз, когда стачка или локаут возникают в какой либо части промышленности призванная, таким образом, страдание одного — страданием всех.

Вместо консервативного девиза „справедливая почасная плата за справедливую почасную работу“ мы написали на нашем знамени революционный клич „уничтожение наемного труда“. Историческая миссия рабочего класса — уничтожение капитализма.

Армия производителей должна быть организована не только для повседневной борьбы с капиталистами, но также и для того, чтобы продолжать производство, когда капитализм будет свергнут.

Организуясь индустриально, мы создаем ячейки нового общества внутри оболочки старого.

А 3608 Рос 1-445

Голос Труженика

GOLOS TRUZENIKA [THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by The General Executive Board of The Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.50, на 6 месяцев — 80 центов.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.50 per year; 80 cents per 6 months.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 1001 W. Madison Street, Chicago, Ill.

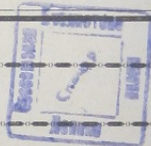
VOL. VII. No. 5-6.

MARCH-APRIL, 1925

PRICE 15c.

48-1231

ЗАМЕТКИ

РАБСТВО УКРЕПЛЯЕТСЯ В АМЕРИКЕ.

Не желая ничему учиться из истории, современные плутократы Америки ведут интенсивную работу абсолютного порабощения рабочих страны «свободных и храбрых». Параллельно с разгромом юнионов под флагом патриотического американизма происходит закрепощение американского рабочего. Мировая война за «демократию» приносит свои плоды: растет великая империя — Соединенные Штаты.

Эта империя растет, как росли Римская и другие империи на страданиях широких рабочих масс. Школа, печать, церкви, кинематограф душат все живое, свободное, прогрессивное. «Народные» представители проводят по приказу господ индустрии жестокие законы против рабочих.

Америка, страна убежища, как ее когда то величали, держит за крепкими замками сотни лучших революционеров страны, в большинстве членов И. Р. М. Самым «передовым» штатом по преследованию был штат Калифорния со своим законом о «криминальном синдикализме». Вашингтон, Кэнзас, Мичиган, Оклахома и другие штаты тянулись в хвосте. Теперь первую роль желает играть штат Айдаго с его новым определением слова саботаж в дополнение и к разъяснению закона о «криминальном синдикализме».

Закон прошел большинством голосов: 32 против 12, подписан губернатором и ожидает своих жертв. Под этот закон мож-

но подвести всякий поступок рабочего, даже неряшливую или медленную работу. По капризу любого ставленника предпринимателей рабочий будет отправляться на долгий срок за крепкие решетки тюрем.

Капиталисты Америки торжествуют. Но история нас учит тому, что чаша терпения широких рабочих масс переполняется периодически. Народное негодование вырывается наружу, влечет за собою потоки крови и происходит переоценка ценностей. До сих пор революции кончались переменой правителей. Будем надеяться, что следующая революция будет настолько глубока и широка, что правителям в ней не будет места и что она принесет с собою организацию производства рабочими для общего потребления, а не для наживы немногих и, таким образом, положит конец преступному действию плутократов, стремящихся все больше и больше порабощать подвластный им рабочий класс.

МАШИНА ВЫТЕСНЯЕТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ.

Бедя человечества заключается в том, что в своем подавляющем, а следовательно и доминирующем большинстве, оно живет задним числом. Начало этой беды заложено в семействе: малом и большом. Малое семейство находится под управлением авторитетных отца и

матери, воспитанных под гнетом таких же авторитетов; большое семейство — народы, государства, весь мир двуногих животных — силою обстоятельств подчинено богатым. Всюду и везде авторитет. Авторитет главы семьи, духовенства, государства, учителей, — всюду и везде стремление продолжить влияние старого, заплеснелого, ненужного.

Наряду с прогрессом, которого человечество достигло со времени изобретения печатного станка, открытия Америки, силы пара, электричества; наряду с великими завоеваниями науки, искусства, техники, человеческие взаимоотношения остались чуть ли не такими, какими они были во времена египетских фараонов. Авторитет власти, рабы и господ, герои всех рангов, религия — управляет народами. Права человека попираются. Подавляющее большинство живет задним числом.

Люди борются за устаревшие идеалы, люди отстаивают устаревшие институты. Техника ломает все социальные устои, а люди упорно, принося великие жертвы, борются против прогресса. Так хватаются за старое, что за редкими исключениями многие из нас чувствовали бы себя дома, двести, пятьсот лет тому назад.

В особенности это бросается в глаза в рабочем движении, когда широкие массы упорно отстаивают право политических авантюристов хлестать их нагайкой, когда они приносят жертвы за сохранение старых форм юнионизма, отжившего свой век. Машина вытесняет квалифицированный труд и требует от рабочего лишь быстроты движений и внимательности в работе, она объединяет рабочих по производству, а рабочих, как 50, 100 лет назад, объединяются в тред-юнионы — аристократы труда.

Аристократы из аристократов — камешники — спета ваша песня, как спета песня выдувальщиков стекла, ткачей, высококвалифицированных тружеников печатного станка, столаров и многих других ремесленников. Машина все делает в наше время, а завтра... А завтра и те немногие счастливицы-аристократы, чье ремесло еще не заменила машина, будут переведены в раз-

ряд надсмотрщиков за машинами, в разряд чернорабочих.

Автоматическая машина посредством электричества ложет 1,200 кирпичей в час, сообщают газеты о новом изобретении. Процай 10, 12 долларов в день для камешников Америки. Простой рабочий будет делать вашу работу за 5-6 долларом в день, а то и дешевле.

Вместе с прогрессом машины и сами рабочие все больше и больше превращаются в автоматов машин.

Машина выбрасывает тысячи рабочих за борт производства. Безработица и нищета увеличиваются, уровень рабочего падает, показывается зорька, предвестница полнейшего индустриального рабства.

В то время как рабочие раз'единены цеховыми, национальными, религиозными, расовыми и другими перегородками и ведут вредную междоусобную войну, когда они хватаются за все старое, — предприниматели объединяются индустриально и интернационально, и великим властелином становится группа международных банкиров и фабрикантов.

Выбиться из загнанного тупика рабочие смогут только тогда, когда они перестанут жить задним числом, когда они научатся идти в ногу с прогрессом техники и индустрии; когда они из прошлого будут брать лишь уроки чего **не нужно делать**, а из настоящего — что нужно делать, чтобы с'организовать свои ряды для борьбы за освобождение рабочего класса и для управления производством и распределением, дабы **завтра** мы смогли жить как свободные люди, а не как рабы.

Каждого добросовестного человека, всех кому дороги человеческое достоинство и справедливость, т. е. свобода и равенство поражает тот факт, что все изобретения человеческого разума, все великие приложения науки к промышленности, торговле и вообще к социальной жизни, до сих пор служили только интересам привилегированных классов и могуществу государств, вечных покровителей политического и социального неравенства, и никогда не приносили пользы народным массам. Стоит только указать на машины, чтобы каждый рабочий и искренний сторонник освобождения труда согласился с этим.

М. Бакунин.

В ПАМЯТЬ ПАРИЖСКИХ КОММУНАРОВ

Рисунок изображающий расправу палачей Тьера над коммунарами

Уже пятьдесят четыре года прошло со дня восстания рабочих Парижа, в результате которого была объявлена Коммуна. Правда, Коммуна просуществовала всего 72 дня. Она была затоплена в море крови ее храбрых и преданных защитников, память о которых сохранится на веки в сердцах угнетенного, замученного реакционными и милитаристическими силами трудового люда.

Рабочие умеют ценить своих братьев павших в борьбе за лучшую жизнь и свободу. Каждый год в память парижских коммунаров, в день их восстания против буржуазии, устраиваются митинги и собрания, где только есть возможность. Особенность этих собраний заключается не только в почитании зверски убитых борцов. Всякое такое собрание является также и продолжением еще в наше время стоящего далеко не законченным дела Парижской Коммуны — установления Свободы, Равенства и Братства среди народов, уничтожения эксплуатации.

Коммунары Парижа в 1871 году не могли осуществить что-либо важное. Они не были приготовлены для практической плодотворной работы, тем более они не имели на это никакой возможности. Перед их разношерстным по своим убеждениям составом, стояла взволнованная стихией народная масса, стремлению которой нужно было придавать форму, и освирепевшая от ярости и кипевшая местью буржуазия. Им, в короткий период существования Коммуны, выпала на долю только борьба, борьба не на жизнь, а на смерть. В этой героической неравной борьбе они дали пример всему миру. Они не отступали, а стояли до конца — боролись храбро, пали благородно и остались на веки героями мирового пролетариата.

Революционное действие и здравый смысл

Всюду кругом нас мы наблюдаем старую прогнившую систему, называемую капитализмом, распадающуюся на куски. Признаками этого распада являются массовая безработица, голод, детский труд, обман, взяточничество, проституция и тысячи других обнаженных вонючих ран на социальном теле. Что займет место этой распадающейся системы? На этот вопрос дается множество ответов и все они различны. Что касается самих рабочих, которые непосредственно заняты трудом и которые имеют полную возможность наблюдать развитие и рост индустрий, — рабочих, обладающих здравым рассудком, то для них вопрос этот должен быть очень прост.

Прежде всего мы должны отбросить в сторону широко-распространенную идею о «переходном периоде», как нечто ложное, выдуманное теми, кто устраивает «революции» и кто избрал революционную деятельность своей профессией и источником для снискания средств к жизни. Все периоды — переходные. Ничто не стоит на месте, за исключением разве умственных способностей некоторых догматических философов, да и они, в конце концов, не стоят на месте, а становятся все более и более косными и невосприимчивыми к новым мыслям и новым идеям. Поэтому мы можем считать настоящий период, как и всякий другой, периодом, когда мы должны строить наше новое общество и продолжать свою работу в этом направлении не откладывая на будущее, когда «эволюция» должна будет сделать нечто для нас.

Во-вторых, мы должны отбросить в сторону идею о том, что капитализм и капиталисты исчезнут сами собой. Даже капитализм подчинен закону перемен, и нет ничего в мире такого, чтобы мешало капиталистам изменять свою систему и приспособлять ее к меняющимся условиям и методам производства, а тем самым и удерживать силу в своих руках. Можно ли будет такие перемены назвать капитализмом, таким капитализмом, каким мы его наблюдаем теперь, другой вопрос и мы не будем спорить пока что на эту тему. Главный вопрос состоит в том — будем ли мы, рабочие, свободными людьми, а не рабами, каковыми мы являемся теперь. Если же мы только переменим одну форму рабства на другую, например, на индустриальное рабство, мы не добьемся того, к чему мы стремимся.

Можно с уверенностью сказать, что капитализм исчезнет только под давлением превосходящей его силы. Что капитализм ослабнет под влиянием своих собственных

противоречий, это мы допускаем, но, если мы не создадим организованной силы, при помощи которой мы сможем заменить существующий порядок вещей, по всей вероятности нам не удастся добиться свободы, так как будет только логично допустить, что какие-либо группы правящего класса пересоздадут общество на основе, которая предоставит им положение правителей, а нам место рабов.

Мы не стремимся к диктатуре.

К чему же собственно стремятся И. Р. М.? Стремятся ли они к тому, чтобы рабочие стали правителями, а другие классы превратились в их подчиненных? Если бы это было так, то оно означало бы, что мы не стремимся к революции, а к перемене правителей, что нам надоело быть рабами и мы хотим подняться до класса паразитов. Слушая профессиональных «революционеров», всегда поражаешься тем, что они не столько стремятся к революции, к полному переустройству существующей системы общества, сколько к занятию какого-либо важного общественного поста теперь. Только прислушайтесь ко всем будущим «диктаторам пролетариата». Слышали ли вы когда-либо, чтобы хотя один из них имел намерение работать в индустрии, после того, как произойдет революция? Я сомневаюсь. Наоборот, они всегда рисуют себя в качестве лидеров, в качестве диктаторов, а не в качестве рабочих где-либо на лесных вырубках или в лесопильных заводах. Это, по их мнению, не было бы «революционно». Такие работы они предоставляют тем, кто нуждается в лидерах.

Когда общество потрясается до своих оснований усилиями рабочих, требующих большую долю из того, что они производят, против них с успехом можно применить только одно средство борьбы. Это средство — голод. Голод заставлял человечество рабствовать в течение всех веков, и единственная надежда на то, что, в конце концов, нам удастся освободиться, покоится на том факте, что при современных формах производства это орудие борьбы может быть сделано негодным. Это может быть сделано, однако, только организацией рабочих на местах работы, так как от непрерывного действия в производстве зависит существование современных людей, т. е. получение пищи, одежды и жилища.

Революция, как правило, связана с предостережением о таком времени, когда фабрики, шахты и заводы прекращают свою дея-

тельность и рабочие выходят на улицы для борьбы против своих поработителей. Такое представление о революции крайне ошибочно. Революция должна быть сознательной, а не разрушительной. Простым уничтожением установившихся порядков вещей мы не можем перестроить общества. Неудачи всех революций прошлого главным образом и объясняются тем, что правящие массы народа не могли наладить производство индустрий с достаточной быстротой для того, чтобы получить все необходимое для себя и для остального человечества. Вследствие этого массы поручали переустройство индустриальной жизни нации тем, на кого они полагались в отношении способности восстановить производство. Эти же последние, в свою очередь, становились новыми правителями, подчинявшими массы своему господству. Чтобы избежать повторения «революции» такого сорта, И. Р. М. проповедуют совершенно новую идею организации.

Мы должны контролировать хлеб, а не пули.

И. Р. М. утверждают, что не только наша сила сопротивления против правящего класса, но и все наши функции, как революционной организации, должны быть сосредоточены в индустрии. Мы утверждаем, что истинным революционером является только тот, кто идет в места производства и там организует своих товарищей-рабочих в ячейки, способные продолжать производство без помощи со стороны и на свою пользу после того, как современные правители исчезнут и на месте старого общества появится Рабочее Общечитие. Мы утверждаем, что рабочие должны знать больше всего не то или иное философское учение, как бы важно оно не было, не приготовленные заранее формулы восстания, не имя и адрес какого-либо революционного «лидера», а знать процессы производства, — то, что они должны производить и как они должны обменивать продукты своего труда на продукты труда других товарищей-рабочих.

Разумеется, нам напомним, что современные правители должны быть заменены рабочими и спросят, как это может быть сделано. Может быть для многих ответ на эти вопросы и явится загадкой, но должно быть ясно для всех, если мы примем во внимание, что в результате революции мы будем иметь достаточные силы на фабриках и заводах для продолжения производства после того, как капитализм будет свергнут. Одной такой организации уже вполне достаточно, чтобы удалить теперешних владельцев индустрий туда, куда

нужно, т. е. поставить их у станков и машин вместе с собою. Если, кто-либо думает, что это должно быть совершенно каким то внешним воинственным актом или каким-либо массовым действием, и, если мы допустим, что это может быть совершено таким методом, то мы не знаем, какую ценность оно имело бы для самих рабочих, если они не будут иметь организованной силы непосредственно в местах производства, и если индустрии не смогут функционировать. Разве при таких условиях рабочие не будут вынуждены вновь занять положение класса подчиненных при новых правителях на их плечах? Мы, по крайней мере, имеем некоторые данные, чтобы доказать это, а именно: все прошлые революции доказывают, что это — правда.

Является ли солдат всемогущим?

Где же наша сила? В местах производства. Можно говорить о борьбе против войны и милитаризма. Мировая война раскрыла перед нами тот факт, что на каждого солдата в траншеях имелось 16-17 рабочих в индустриях, занятых производством амуниции, вооружений и необходимых средств к существованию. Если мы хотим быть последовательными, мы должны вести борьбу и против всего этого. Но мы видели тысячи заклятых «анти-милитаристов» занятых производством военных припасов всякого рода и могло казаться, что изготовление пули может быть оправдано, а использование той же самой пули является преступлением. Фактически же, все капиталистическое общество представляет собою один огромный вооруженный лагерь, одну огромную милитаристическую машину. Мы стоим в оппозиции к капитализму, и это включает в себя все. Если мы склоним на свою сторону 16-17 рабочих в индустрии, от которых зависит солдат в исполнении своих функций, нам не нужно будет беспокоиться о солдате, так как он станет беспомощным.

Сведенный до самой простейшей формы революционный акт действительной важности, это — деятельность организатора в местах производства.

Когда вы, товарищи-рабочие, направляетесь в фабрики и заводы и побуждаете своих товарищей входить в ряды организации и добиваться большей доли того, что они производят, более коротких часов труда, большей счастья для себя и для своих семей, вы выполняете действительную революционную задачу. Вы, таким образом, даете понять рабочим, что жизнь хранит в себе кое-что ценное и для нас, за что стоит вести борьбу. Выполняя такую пио-

нерскую работу, вы создаете также и оружие, при помощи которого рабочие смогут продолжать производство в будущем обществе без вмешательства паразитов, которые в настоящее время правят всем. Вы подготавливаете рабочих к тому дню, когда они смогут изменить общество и будут распоряжаться всем тем, что теперь принадлежит другим.

Пропагандистская работа в местах производства — революционное действие.

У нас почти-что отсутствует такая организационная работа. Вместо того, чтобы посвящать все свое время созданию организации в местах производства с тем, чтобы вести борьбу против хозяина на каждом шагу, рабочие заводят ссоры между собою относительно того, кто более революционен. Думаете ли вы, что может быть создана организация для борьбы против хозяев без постоянной борьбы? Думаете ли вы, что наши хозяева настолько неразумны и настолько слепы, что позволяют нам создать свою организацию без оппозиции с их стороны? Организоваться можно только в борьбе и борьбою. Только в постоянной борьбе за материальные улучшения, обеспечивающие и духовное развитие, мы

сможем создать нашу организацию, а не философствованием на собраниях и митингах.

Несомненно, в нашем обществе должна произойти коренная перестройка в самом ближайшем будущем. Будет ли такая перестройка совершена в результате кровопролития, подобного тому, которое произошло на полях сражения в мировой войне, или каким либо другим путем, будет зависеть всецело от нашей организованной силы на индустриальном поприще. Одно вполне определено: пролитая кровь будет рабочей кровью и, если мы окажемся слишком слабыми на индустриальном поприще и не сможем оказать достаточного влияния на ход событий, так самое большее, что мы приобретем, это — новых правителей. Свобода рабочих зависит от их способности организоваться и использования своей организованной мощи для улучшения жизни.

Все, что необходимо в работе и в организации рабочих в целях освобождения — не отвага и не громкие речи. Для этого необходимо здравый рассудок и настойчивое стремление к определенной цели.

Членская книжка № 264978.

ВЕКОВАЯ БОРЬБА

Средний человек любит следовать по проторенной дорожке, так как по ней он может шествовать по привычке. Пробыть же новую дорогу гораздо труднее; для этого нужно обладать предприимчивостью и шевелить своими мозгами, на что очень редко решается средний обыватель.

Все, что заставляет общество уклоняться от проторенных путей, является всегда неприемлемым для консервативной части общества, так как это заставляет консерваторов думать, и, несмотря на все претензии на мыслительные способности, консерватор является наглядным примером своей собственной духовной немощности. Он знает, что он будет испытывать неприятности, если он сойдет с однажды намеченной дорожки.

Социальное дерево может быть уже и подгнило, может быть его корни и превратились в гниль, ставшей пищей для паразитических насекомых; оно может быть обросшим мохом и мертвыми наростами. Но всякий, кто говорит, что это дерево стало негодным, осмивается и преследуется. Как бы ни было гнило общество от времени, как бы не обросло это общество паразитами, если только это

общество в преклонном возрасте, сам возраст, подмен консерваторов, дает ему возможность дальнейшего существования, и беда тому, кто осмеливается проповедывать прогресс.

Человек настолько является жертвой привычек, обрядов, так преклоняется пред вещами, которые уже отжили свой век, что нужно только удивляться не тому, что общество мало прогрессирует, а тому, что дикий консерватор, только что переживший состояние ума обезьяны, не сумел удержать человечество в постоянном рабстве. Фактически, только побуждение экономических сил, которые не позволяют обществу оставаться на одном месте, сделали возможным прогресс против статических сил в обществе, против сил консерватизма. Человек очень медленно прогрессировал потому, что большинство людей хотело, чтобы их оставили в покое, прежде всего, со своим дикарством, второе, со своим варварством, а в настоящее время со своей никчемной цивилизацией и индустриальным рабством. Пустые фразы, которыми старается прикрыться консерватор при защите современных порядков, являются только маской, позади которой скры-

вается его нежелание двигаться вперед и сознание своей собственной слабости в приспособлении к изменившимся условиям, которые представляет прогресс.

Но человек прогрессировал, так как он был вынужден вести борьбу наперекор самому себе и еще потому, что во все века появлялись немногие люди, для которых не могло быть жизни без борьбы, которые не удовлетворялись проторенной дорожкой, ненавидели все плохое и, таким образом, были динамичной силой в инертном обществе и вели борьбу против установившихся порядков вещей с тем, чтобы установить порядки более соответствующие изменившимся условиям.

Таким образом мы находим, что внутреннее содержание человеческой истории, вещь, делающая ее чем-то другим, а не глупым повторением фраз, является историей борьбы нового со старым, борьбой консерватизма в человеке, пытающегося защитить себя от похода прогресса, который всегда представлялся агитатором. Орудиями консерваторов всегда были обращения к консервативной психологии и искажения истины, поддерживаемые преследованиями, когда все остальное не помогало; и замечательно то, что к преследованиям прибегают только тогда, когда ста-

рый мир уже не в состоянии вести борьбы против нового при посредстве доводов логики, или же найти слабое место в боевой линии нового мира. Преследования всегда являлись последним средством борьбы консерваторов, когда они уже не имели доводов, кроме доводов грубой силы.

Мы можем представить себе консерватора в условиях дикаря, и он и до сих пор оставался бы в таких условиях, если бы не существовало агитаторов, — когда он требует, чтобы человек изобретший инструмент для добычи огня был изгнан из племени, и в своем зверском гнев навлекаящим на него гнев таких же диких, как он сам, богов, которые должны оказать ему помощь в борьбе со всякого рода нововведениями, угрожающими всему тому, что было уже освящено веками. Вся аргументация консерваторов заканчивается одной и той же фразой: «Так жили наши отцы, так должны жить и мы».

Рассказ о Прометее, принесшем огонь с неба, который в наказание за это был прикован к скале, а орел пожирал его тело, имеет оправдание в истории человеческой расы. Он говорит даже больше, так как еще в наше время хищники пожирают не только тело, но и сердце рабочего народа. В наши дни мы не должны возвращаться к поэтической мифологии древней Греции и Рима, так как тот же самый хищник очевиден и в современной истории Америки и других стран, в особенности в теперешней истории штата Калифорния. Брат обезьяны — часто даже полумудрый — вевший борьбу против употребления огня, имеет своих прямых потомков в людях, устраивающих дикие оргии на ограбленный продукт чужого труда.

Не было простой случайностью то, что Сократ был вынужден выпить яд организованным обществом того времени. Не было также простой случайностью распятие Христа. Я очень часто сожалею, что история не сохранила позади себя напыщенных патриотических фраз и возвышенных настроений, которыми пользовались консерваторы того времени для объяснения распятия и для оправдания своих гнусных поступков, совершавшихся якобы для поддержания морали. Речи политиканов того времени, оправдывавших распятие Христа, а также содержание речи Пилата на суде присяжных, несомненно могли бы послужить назиданием для судей нашего времени, занимающихся распятием рабочих, хотя и сомнительно, чтобы обвинитель Христа спускался до дерзости судьи в Калифорнии, который на вопрос обвиняемого о составе его преступления ответил: «Побудь здесь с нами и ты узнаешь», или до грубости другого судьи, который не видел

причин для недовольства среди рабочих, потому что богачам не позволено жить в богадельнях, а беднякам можно, доказывая тем, что бедняки имеют в Америке больше прав, чем богачи. Но несмотря на утрату судебных документов, мы можем быть уверены в одном, а именно: что «дело Христа было решено беспристрастно и справедливо». Тот факт, что он был агитатором, гарантирует нам это.

Нам ничего неизвестно о разборе дела Христа, но мы имеем аналогичные дела агитаторов, шедших по стопам своего учителя во времена раннего христианства и дела агитаторов наших дней. В замечательном труде «Разложение и падение Римской Империи» мы находим одну аналогию за другой, указывающую, что история повторяется и что методы консерваторов в борьбе против прогресса в существенных своих чертах ни в чем не изменились. Но удивляться этому не приходится, когда мы принимаем во внимание тот факт, что консерватор многое забывает и ничему не учится, чем по всей вероятности и объясняется то, что каждое последующее поколение более невежественно, чем предшествовавшее ему. Ниже я привожу одну цитату, указывающую на однообразные методы извращения и каверкания правды, которыми пользовались в Риме против первобытных христиан и которыми пользуются теперь против представителей новых идей.

Цитата эта взята из шестнадцатой главы книги Гиббона «Разложение и падение Римской Империи»:

«Предосторожности, которыми окружали себя ученики Христа при исполнении религиозных обрядов, вначале были продиктованы необходимостью, но впоследствии вошли в обиход по выбору. Подражая крайней секретности Еллузинианских мистерий христиане гордились тем, что они этим самым заставляют относиться с большим уважением не-христиан к своим религиозным обрядам. Но их надежды, как это часто случается, впоследствии не оправдались. Внешний мир в результате пришел к тому заключению, что христиане скрывают от него то, чего они стесняются. Их таинственность предоставила неверующим возможность к распространению различных злых слухов и вымыслов, а также к распространению того убеждения, что христиане — самое злое племя в мире, практикующее в своих темных тайных закоулках самые невероятные и жестокие поступки и нискивающие благорасположение своего неведомого Бога извращением морали. Находились многие, которые являлись якобы очевидцами ужасных поступков и обрядов. Утверждали, что ново-

рожденный ребенок, обсыпанный кругом мукой, был зарезан ножом одного из христиан во время обряда и что этот же христианин навлекал ножевые раны и на других невинных жертв; что сразу же после убийства ребенка христиане пили его кровь, жадно, по-зверски, раздирая его тело на части, а потом давали клятву держать совершенное преступление в секрете. С подобной же уверенностью утверждалось, что после каждого жертвоприношения христиане устраивали обед, в котором не малую роль играла выпивка. Во время такой пирушки в подходящий момент гасились огни в помещении и все участвующие предавались оргиям разврата, во время которых творилось нечто невообразимое.

Находилось много людей, которые были готовы в деталях рассказать об этих воображаемых обрядах и церемониях ненавидимой секты».

Как современный прокурор при чтении страниц из истории Рима жалеет об упадке в искусстве лжи, которое ставит их свидетелей ниже уровня свидетелей против первобытных христиан. Тогда тоже были своего рода Даймонд'ы и Таунсенд'ы, с их долгим прошлым полового вырождения, но к разочарованию тех, кто плотит деньги современным профессиональным свидетелям, лож последних не имеет того привкуса, которым снабжали свои показания их предшественники древнего Рима. Трехпальцевый Джак Голдвин, радикальный науськиватель современного капитализма со своим экспертским знакомством относительно дегенератства, прежде чем он был арестован и обвинен во всех формах половых извращений на 13-летнем ребенке, в Такоме, был в состоянии приписать все эти преступления членам Индустриальных Рабочих Мира подобно тому, как подставные свидетели приписывали первобытным христианам темные дела. Однако, свидетели и сторонники капитализма в наши дни не могут сравняться с римскими. Они слишком заняты своими собственными проделками и не могут прочесть книг Гиббона, который познакомил бы их со многими делами их предшественников.

Для меня внутренним содержанием истории является борьба между старым и новым миром. История представляет из себя непрерывное построение различных фаз этой борьбы, когда, как это случается, консерваторам удается стать победителями на день. Агитатор одерживает, однако, более существенные победы. При консерваторах, пытающихся поддержать старый пережитый мир ложью и преследованиями, обманом и подлогом, агитатор строит грандиозные храмы человечества

при посредстве мысли и силы мысли, правды и силы правды.

При чтении истории Рима, потопавшего в своих пороках, прогнившего в политике и политической приспособляемости и направившего к уничтожению не руками Готов и Вандалов вне своих стен, а совершавшего самоубийство в силу деятельности Готов и Вандалов, подрывавших жизненные силы Рима изнутри, я нахожу многое, что происходит в наши дни. Хотя наука государственного управления и ушла далеко вперед с тех пор, а открытие нефти позволяет придать более совершенное выражение методам Рима, чем это было возможно в самом Риме, все-же может быть сказано, что Рим имел своих Догерти и Денби, своих людей, которые напоминают мне моих старых тюремщиков. Рим имел свои толпы и правительства толпы, хотя эти толпы нельзя ни в чем сравнить с толпами наших дней, с чернью одетой в ночные рубашки, или с линчевателями, которые являются результатами 20-ти веков прогресса. Теперь такие вещи творятся в более грандиозных размерах, чего и следует ожидать в условиях скопления огромных богатств и мощи в руках бездельников.

Ничего нет нового под солнцем. Методы, которыми пользуются силы консерватизма в Соединенных Штатах и в других странах мира, имеют своих предшественников на страницах Римской истории, хотя прокурор наших дней и в состоянии пользоваться такими средствами, которых не знал древний Рим. Имея только одну газету, «Акта Диурна», консерваторы Рима были стеснены по сравнению с консерваторами наших дней. Но все, чего недоставало римским консерваторам в смысле средств для распространения лжи, по всей вероятности было наверстано большей способностью римских прокуроров. А это ударило меня по большому месту против прокуроров в Соед. Штатах. Я не нашел в них честности, но это не было для меня неожиданностью, но я думал, что они обладают некоторыми способностями. Я могу простить им многое, но никогда не прошу им их крайнего неумения, их idiotства и их методов. Человек может любить даже врага с умом, и, если их обязанность — лгать, то пусть они лгут умеючи, так, как того требуют их практическое искусство. Человеку может нравиться оппонент с умом, а поэтому я предпочел бы всегда быть судимым римскими, а не американскими политиками.

История древнего Рима представляет собою упадок социальной системы, появления новых сил, наступления которых не могли остановить даже преследования, так

как в них заключался зародыш социального прогресса и развития. История Рима — история триумфа нового мира над старым, что является основным законом эволюции.

Реакция всегда терпела поражение в схватке с новым миром, на который она нападала. Это верно и по отношению к современной реакции. Капитализм осужден на гибель своей собственной природой, так как он покоится на системе обмана и насилия, и не может быть поддержан дольше, разве только опять-таки обманом и насилием, которыми были отмечены преследования последних лет.

Будущее принадлежит рабочим, а преследования служат только доказательством того, что старая система предвидит свою гибель.

Д. М.—д.

ПОНЯТИЕ СЛОВА «РАВЕНСТВО».

Право работать без обладания местом работы, право жить без страха; право любить без всяких скандалов; равное право и возможность доступа к жизненным потребностям, к естественным богатствам земли.

Таким должно быть реальное осуществление слова «равенство».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемые Товарищи!

Прошу вас дать место в «Гол. Труд.» следующим нескольким строкам.

В необычайно грязной анонимной (редакционной?) заметке под заглавием «Обвинитель» и «Разоблачитель» в №224 газеты «Рассвет», — заметке, отвечать на которую вообще было бы нелепо, — имеется, между прочим, ложное обо мне сведение. Там сказано: «Отмежеввался он (т.-е. я) и от той группы, к которой некогда принадлежал. Вернее всего то, что от него отмежевались люди. Отмежевались от него и все наши организации».

Такое «указание» вынуждает меня теперь же заявить: 1) Что я вышел из Группы Рус. Ан. загр. по чисто-личным причинам. (В ближайшем отчете это будет отмечено и самой Группой). Ни в каком другом смысле ни я не «отмежевывался» от Группы, ни Группа от меня. — 2) Что насколько мне известно, ни одна из анархических или рабочих организаций в Америке о своем «отмежевании от меня» не заявляла.

Аналогичное фактическое опровержение послано мною в редакцию газеты «Рассвет».

С тов. приветом

Волин.

Берлин, 15 марта 1925.

ПРОТИВ ВОЙНЫ

Несмотря на необычайное количество людей и культурных ценностей, уничтоженных во время последней мировой войны, милитаризм и по сей день находит еще пламенных почитателей. Антимилитаристы все еще находятся во всех странах в меньшинстве. Все же антимилитаристская и противовоенная мысль делает все большие успехи. Из области голых теорий и отвлеченностей она вступает в реальную жизнь.

Последовательный антимилитаризм требует от своих сторонников, чтобы они делали все, дабы воспрепятствовать будущим войнам. Это, впрочем, обещали также социал-демократы и буржуазные пацифисты. Но они во время войны позорно обанкротились; они и в будущих войнах опять пойдут во всех странах с правительствами и с военными загонщиками.

Антимилитаризм требует от каждого отдельного своего сторонника, чтобы он отказался дать использовать свою личность для военной службы. Антимилитаризм может только тогда в полной мере оказать свое действие, когда все творческие и продуктивные силы, когда мужчины и женщины рабочего класса приступят, при угрожающей опасности войны, к генеральной забастовке.

Итак, антимилитаристы являются сторонниками прямого действия. Они не ждут какого-либо спасителя, они не возлагают никаких надежд на правительства; они не верят в разумное действие естественного закона развития. Они хотят подчинить себе обстоятельства. Они хотят творить историю.

Антимилитаристы употребляют весь свой разум, напрягают всю свою волю, чтобы охранить человечество от безумия будущей войны. Антимилитаризм, таким образом, революционен, — революционен не в смысле грубого насилия, а революционен потому, что хочет сломить насилие милитаристов. Достаточно массам отказаться работать для войны и милитаризма, — и последний час милитаризма настал.

Антимилитаристы делают человека центральной точкой всех событий. Они твердо стоят за святость человеческой жизни. Антимилитарист отказывает милитаристу в праве недооценивать и умерщвлять человека. Антимилитарист отказывается стрелять в братьев по ту сторону границы, говорящих на ином языке. Являясь противником войны, он отказывается быть солдатом. У солдата нет иной обязанности, кроме человекоубийства; его по целым месяцам только для того и муштруют, что-

бы научить его убивать людей наиболее совершенным способом. Милитаризм враг всякой личной свободы; человеческое достоинство он топчет в грязь. Антимилитарист окажет всякому принуждению к военной службе и к участию в войне непреклонное сопротивление.

Последовательный антимилитарист не знает разницы между наступательной и оборонительной войной. Антимилитарист, таким образом, отклоняет всякое участие в войнах и в военных приготовлениях; он не принимает участия в производстве военных снаряжений и материала, не подписывается на военные займы.

Антимилитарист понял мошенничество оборонительной войны. Всякому правительству необходимо оправдание, что на него напали и что рабочие классы мол находятся в положении обороны. Успешнейшими средствами защиты народа, который подвергся нападению, являются: пассивное сопротивление и экономические действия. Милитаристы об'являют нам, что мы мол находимся в состоянии самообороны, что мы потому и должны принимать участие в войне. Мы, антимилитаристы, знаем только личную самозащиту, мы отклоняем наше участие в национальной самообороне. Мы, антимилитаристы, будем защищаться, когда нашей жизни будет угрожать опасность. Но занятие страны не угрожает жизни людей, оно направлено только против политических и экономических ценностей. Нападающий милитаризм не хочет убивать населения страны, на которую он напал; он хочет только присвоить себе богатства страны или же при помощи военных средств присвоить себе экономические выгоды. Всякое военное нападение, всякое военное отражение и всякая национальная самооборона уничтожают человеческие жизни, при том человеческие жизни не только нападающих, но и тех, которые уверены, что они находятся в состоянии самозащиты. Оборонительная война и национальная самозащита — вот аргументы, которые беспрекословно ведут к войне. Когда рабочие массы откажутся выступать против врывающихся войск с оружием в руках, тогда и до войны не дойдет, массовое убийство будет избегнуто.

Мы, антимилитаристы, знаем, что собственное правительство и собственный милитаризм не менее угнетающи и жестоки, чем, так называемое, чужеземное владычество. Всякое чужеземное владычество падает, когда оно слишком сурово действует. Чужеземное господство в боль-

шинстве случаев крепнет, когда люди из подвергнувшейся нападению страны защищаются с оружием в руках. Оборонительная война и национальная самооборона уничтожают тысячи невинных людей, не обеспечивая свобод жителей подвергнувшейся нападению страны.

Каждая человеческая жизнь невозмещима; дома, товары, леса для того существуют, чтобы служить человечеству. Они не должны уничтожаться и подвергаться опустошениям во время человекоубийственных войн. Народ, на земле которого свирепствует война, терпит нужду и бедствия спустя десятилетия по окончании войны. Отнятые чужеземным военным господством свободы могут быть вновь завоеваны без кровопролития, без человекоубийств, при помощи этически чистых средств. Пассивное сопротивление народа вызовет симпатию людей всех стран. Нападающий милитаризм будет вынужден экономическими мерами давления многих стран пойти на уступки. Несправедливость и насилие не могут быть победены насилием и несправедливостью же.

Итак, антимилитаристы отклоняют также национальную оборонительную войну. Этим стращали в последние годы почти все народы. Разве найдется в Европе хоть одно правительство, поскольку оно принимало участие в войне, которое бы не утверждало, что оно подверглось нападению? Каждое правительство отрицает свою вину в войне. Теперь еще, спустя десять лет, европейские правительства ведут между собой спор о том, кто войну начал и кто виновник войны. Антимилитаристы знают, что невинных правительств нет. Всякое государство нуждается в правительстве, каждое правительство создает себе военный аппарат, всякий милитаризм толкает естественно и неизбежно к войне. Последовательный антимилитарист должен также быть противником государств и правительств.

Социал-демократия держится твердо и в настоящее время понятия об оборонительной войне. Социал-демократия проникнута духом милитаризма; не устранить государственный аппарат она хочет, а овладеть им. То же самое верно и по отношению к коммунистической партии. Следовательно, марксистские партии не являются антимилитаристскими. Им нужны государственный аппарат, правительство и милитаризм, они должны и к войне стремиться.

Единственными последовательными антимилитаристами могут, таким образом, быть только анархисты и синдикалисты.

(Перевод с № 30 «Синдикалист», 1924 г.)

Примечание. — Помещая перевод статьи

«Против войны» из органа немецких анархо-синдикалистов, мы вынуждены сделать некоторые оговорки и вывить ярче нашу собственную точку зрения.

Конечно, мы определенные и решительные противники военщины и милитаризма. Но мы знаем: милитаризм является прямым естественным и неотвратимым следствием капиталистического режима, под игом которого трудовые массы народа страдают. Поэтому, если мы хотим быть настоящими антимилитаристами, антимилитаристами не на словах, а на деле, мы должны все наши силы напредь для того, чтобы преобразовать коренным образом теперешний строй духовного рабства и экономического угнетения. Для этого далеко недостаточны всякие фразы (часто вполне искренние и даже «трогательные») о вреде войн, о святости и невозместимости человеческой личности. Нет, нам необходимо смотреть в корень. Нам необходимо создать мощные и революционные рабочие организации, которые были бы способны разрушить старый строй, строй банкиров, эксплуататоров, генералов и их различных прислужников. Когда настоящие хозяева городов и деревень — рабочие и крестьянские объединения — возьмут в свое ведение экономическую (следовательно, и политическую) жизнь страны, — тогда, и только тогда — будет нанесен сокрушительный удар милитаризму.

Мы непреклонные и последовательные приверженцы классовой точки зрения. Слова «народ», «нация» и тому подобное нам кажутся туманными, неясными и способными лишь вводить многих рабочих в заблуждение. Это, таким образом, может быть полезно нашим врагам, эксплуататорам и живоглотам. Мы все, работники умственного и ручного труда, принадлежим к одной «нации», к народу подневольному, обреченному на продажу своих мускулов и мозга для того, чтобы прожить. Против наших классовых врагов, великолепно организованных и вооруженных технически и духовно, мы должны вести непримиримую и упорную борьбу. Мы должны стать силой. А силой мы станем только тогда, когда и мы сумеем создать мощные рабочие организации, проникнутые сознательными и упорными стремлениями к социальной революции. Против лицемерного хозяйского лозунга общенациональных интересов, мы всегда и везде обязаны проводить наши идеи классовой борьбы и классовых интересов.

Нам скажут: «Вы себе противоречите. С одной стороны, вы антимилитаристы. Значит, — против войн. С другой же стороны, вы за классовую борьбу, за гражданскую войну». Да, будучи искренними анти-

милитаристами, мы в то же время и по той же причине приверженцы идеи гражданской войны. Но вовсе не потому, что мы по натуре нашей кровожадны и жестоки. И даже не потому, что мы являемся поклонниками сатаны, как станут уверять Маниловы и Собакевичи. Хотим мы этого или нет, но гражданская война — всамделишная кровавая гражданская война — и сейчас ведется. Она ни на миг не прекращается. Правда, пушки и дирижабли смерти сейчас почти бездействуют. Но посмотрите вокруг себя, на миллионы рабочих влачащих, недостойный человека, образ жизни, на детей наших, обреченных сызмала на рабскую жизнь, на сотни тысяч наших братьев по труду, искалеченных и измученных капиталистическим режимом, в котором неизбежны войны и безработица, проституция и сифилис, туберкулез и алкоголь! Что-ж это, по-вашему, не гражданская война?! Разве только, что одна сторона, рабочий класс, почти безропотно дает себя избивать и калечить. А зато буржуазия на все руки мастера, чтобы нашего брата получше опутать, покрепче связать и преспокойнейшим образом слопать. В ее руках полиция, жандармерия, армия, Ку-клукс-клан и судьи — с одной стороны, с другой — она владеет всей прессой (ведь

пара—другая пролетарских журнальчиков в счет не может пойти), школами и университетами.

Поэтому, когда к нам, угнетенным и эксплуатируемым пролетариям, приходят со слащавыми фразами о вреде насилия, мы говорим: «Вы, друзья, ошиблись, видно, адресом. Пойдите-ка туда — в лагерь Фордов, Морганов и прочих потовыжимателей. Вот **им** то и не мешало-б послушать ваши толстовские проповеди. «Пусть господа убийцы начинают». Мы же сами стремимся к уничтожению войн и их родителей — буржуазного строя. Для этого нам нужно с'организоваться. Для этого нам нужно выработать в себе и в наших товарищах ясное и всестороннее, елико возможно, миросозерцание. Для этой цели нам великую службу сослужит всеобщая забастовка. Но для того, чтобы предохранить буржуазию от грустной необходимости расстреливать нас, как куропаток, не мешает нам вырвать из ее рук то оружие, которым она владеет. Этим мы только сократим до минимума число жертв. Без этого, кажется нам, не обойтись, если мы в самом деле хотим положить конец кровавой эпохе угнетения, эксплуатации, милитаризма, пьянства и духовного рабства».

В ОДИНОЧЕСТВЕ

(Из воспоминаний)

Одинокое заключение тяжело. Но есть в нем свои радости, без которых оно было бы невыносимо.

Помню — меня привезли весной 1920 г. с юга во «Внутреннюю Тюрьму В. Ч. К.» (Москва) в ужасном состоянии. Я только-что начал выздоравливать от изнурительного — перенесенного частью в тюрьме, частью в дороге — тифа, едва держался на ногах, голодал мучительно, был покрыт мириадами насекомых...

Меня поместили в одиночную камеру: большую комнату с одним, сплошь замазанным белой краской, выходившим во двор и снабженным солидной решеткой, окном, совершенно пустую. В ней имелась только деревянная койка для сна. Ни стула, ни стола, ни полки, ни посуды. (Есть приходилось, сидя на той же койке и держа миску на коленях. После еды, миска возвращалась надзирателю). Даже «параша» не было. (Два раза в день — утром и вечером — надзиратель выводил в уборную. В остальные часы приходилось стучать и проситься).

В то время, «Внутренняя Тюрма» постепенно переделывалась из бывшей го-

стинницы. Многие камеры хранили еще следы своего бывшего назначения и выглядели опустелыми комнатами: грязноватый паркетный пол; высокие потолки с лепными украшениями; по стенам — старые обои, местами отставшие и висевшие клочьями, местами вовсе оборванные и обнажавшие белесоватую известку... Именно такую была моя камера. И в этой камере мне предстояло провести долгие месяцы — в абсолютной изоляции, отрезанному от всего мира, без прогулки, без чтения, без свиданий, без «передач», без переписки, полубольному, истощенному, голодному, измученному...

Никогда не забуду своего пробуждения в первое же утро жизни в этой камере.

Я открыл глаза и — замер в радостном изумлении. С противоположной стены на меня смотрело чудное, живое, прекрасно выполненное — больше, чем в естественную величину — лицо П. А. Кропоткина. То самое лицо, которое я так хорошо знал по портретам: лоб мыслителя, пряди седых волос над ушами, очки, мясистый нос и широкая — веером — белая борода. Знако-

мое, милое — такое ласковое, мягкое, слегка улыбающееся и, в то же время, полное мысли и внутреннего огня — лицо...

Я близорук, и иллюзия была тем сильнее. Я встал и подошел к стене. Все исчезло. Передо мною были лишь остатки обоев, вперемежку со следами оборванных кусков и обнажившейся под ними известкой. Чисто-случайная комбинация всех этих пятен давала, при известных условиях освещения и расстояния, образ дорогого человека. И едва я отошел на несколько шагов от стены, — иллюзия повторилась с прежней ясностью и силой.

Мне трудно передать, каким громадным утешением и ободрением служил для меня этот портрет в течение всего моего пребывания здесь. Я не был одинок. И когда, впоследствии, меня перевели в другую камеру — более светлую, более благоустроенную и уютную, — мне было грустно, было больно... Я почувствовал себя действительно одиноким. Слово я потерял лучшего друга, с которым близко сжился...

* * *

Я сидел уже не первый месяц. Мой «режим» был несколько ослаблен. Я получал «передачи»; пользовался книгами, газетами; имел писменные принадлежности, мог переписываться с родными... В моей новой камере находилась кой-какая мебель...

Правда, заключение оставалось в высшей степени тяжелым. Свиданий и прогулок не было по-прежнему. Одиночество продолжало быть полным. А главное, этот ужас сидения — без вины, без просвета, по одному капризу, произволу и насильно идейных противников, лишенных совести...

Жизнь текла однообразно, серо — без впечатлений извне, без малейшего светлого луча, без перемен и без радостей...

Но душой, как и телом, я несколько отдохнул, оттаял. И вот, эта сплошная серость дней прорезывалась порой чудесными, незабываемыми мгновениями — даже часами — такого исключительного духовного подъема, такого мощного вдохновения, такого бурного наплыва ярких, необыкновенных мыслей и чувств, какие не так часто выпадают на нашу долю в повседневной суете жизни «на воле».

Нелегко рассказывать об этих глубоких, исключительных душевных переживаниях: так они необычны, сложны, тонки... Но одно из них настолько захватывало всю душу, настолько потрясало все существо, было настолько длительным и, одно время, столь часто повторялось, что врезалось навсегда — живыми чертами — в мою память и послужило источником целого ряда своеобразных размышлений и построений.

Окно моей камеры выходило, как и прежде, во двор. Сквозь приоткрытую летом форточку, оттуда доносились звуки молодых голосов, обрывки разговоров, шутки, смех... Подчас — шумно распахивались где-то ворота, везжали возы с кладью. Раздавались быстрые людские шаги. Звонко стучали по камням лошадиные копыта... Иногда — во дворе производились какие-то работы: звенела пила, бил молот по железу, тянуло дымком, звучала рабочая песня...

И вот, порой — оторвешься от книги, начнешь прислушиваться к этой неустанно текущей жизни... И вдруг — странным восторгом, ясновидением, как-бы предчувствием загорится душа. Словно раздвинулись стены тюрьмы. Слово весь мир — здесь, со мною, бесконечно родной, близкий, овеянный любовью... И все эти, копошащиеся там люди — мятущиеся, слепые, страдающие и смеющиеся, слабые, ничтожные и божественные люди — становятся тоже такими близкими, такими понятными, такими дорогими, любимыми... Хочется так много сказать всем им, обнять их всех, примирить, объединить, простить. Хочется заставить и их — понять, оценить, полюбить мир, жизнь, самих себя, друг друга... Чудится: все они, и я, и весь мир — одна семья. И вот, все мы ищем, и беимся, и мучаемся... И обрываемся, и падаем... И мучаем друг друга во тьме... И снова подымаемся, и идем... идем — пока не блеснет свет...

Да, мы идем. Мы все идем к свету...

И становится безумно радостно, светло на душе. Нет больше врагов, нет ненависти, нет розни...

... ..

Медленно поворачивается ключ в двери. «Начальник»...

С трудом сдерживаешься, чтобы не повести ему о только-что пережитом, о видениях встревоженного духа. Хочется сказать ему: «Знаете ли Вы, что Вы — не начальник, а только такой же человек, как и я: слабый, беспомощно ищущий, ошибающийся, падающий и снова подымающийся, и снова идущий человек?.. И что все мы вместе идем к неведомому свету?..»

Он смотрит спокойно и холодно: — Ну, как чувствуете себя? Нет ли заявлений?..

И, улыбаясь, лепечешь ему что-то в ответ. Он взглядывает несколько удивленно, поворачивается на каблуках и уходит.

А мысли — далеко, далеко... Душа горит... И нет больше тюрьмы. Нет муки. Нет одиночества.

Волин.

Апрель 1923.

Углекоп — двигатель прогресса

сша — В тисках мертвой руки

Глубоко в недрах земли, при тусклом свете лампочки, трудится облитый кровавым потом углекоп. Он находится в постоянном угрожении быть искалеченным или убитым обвалом камня или взрывом газа. Труд его — убийственно тяжелый, но нужда в средствах к жизни, забота о семействе, заставляют его каждый день, если это возможно, опускаться в темную глубокую шахту и рыться там, громить мать-природу, добывая уголь, этот необходимый элемент топлива для всего общества. И он добывает его. Киркой, лопатой, часто голыми окровавленными руками нагружает одну вагонетку за другой, забывая про опасность ему угрожающую со всех сторон. Ведь он получает плату от количества добытого им угля. Он сам себя погоняет при работе, а это превращает его в человеческий автомат, в обманутого раба на 20-30 лет сокращающего свою жизнь преждевременно.

Для углекопа не существует боязни быть искалеченным или убитым. Опускаясь в шахту он не принимает в расчет своей жизни. Тогда он забывает про самое свое существование и мыслит только о том, какой камень придется ему ворочать.

Перед ним, как и перед тружениками в других отраслях промышленности, стоит чудовищный, вечно преследующий призрак страха — угрожение остаться без работы.

Это чувство страха отравляет хлеб, которым он питается, и воздух, которым он дышит. Страх этот не покидает его и всю ночь напролет. Он внушает ему двойное значение во всякое услышанное им слово, он ближе к нему, чем сама его мысль, — ближе, чем его мысль, так как это придает форму его мысли.

Чем же объяснить эту боязнь, этот страх, это предчувствие угрожающей ему опасности быть «сокращенным»?

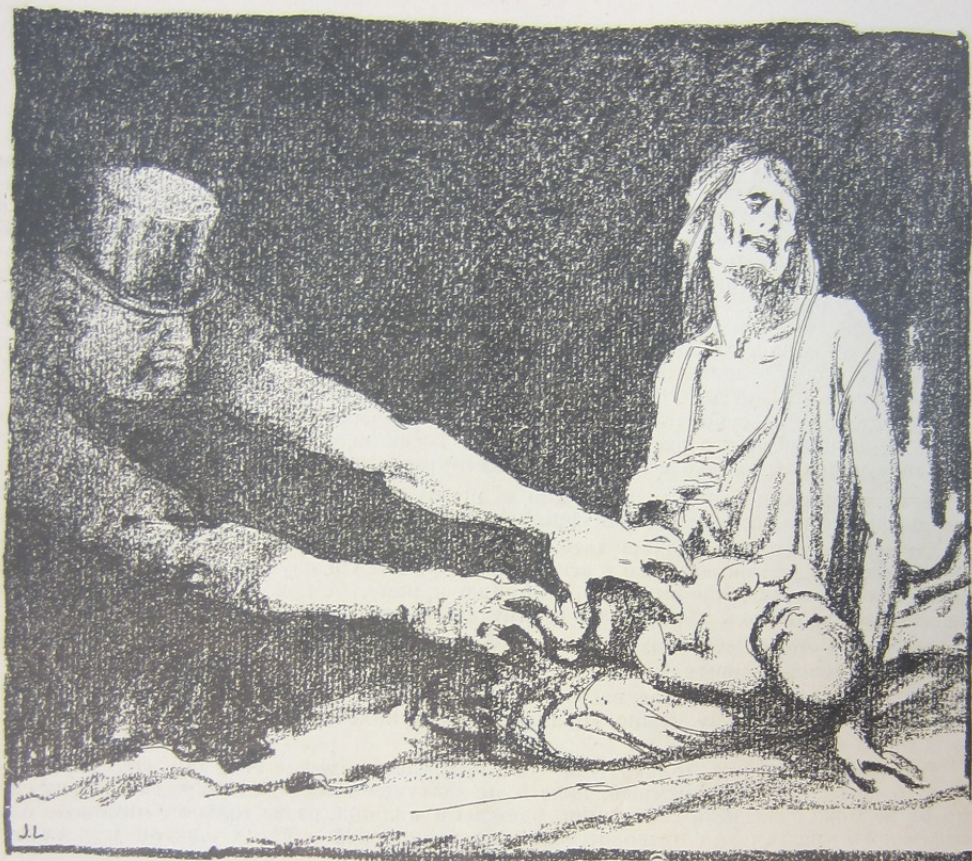
Чем объяснить подавленное настроение углекопа, этого от природы жизнелюбивого рабочего, которому нужно гордиться своим полезным трудом и держать себя с достоинством?

Это можно объяснить только тем, что он, отчасти, думает еще так, как думал его отец до него, что он никчемный, ничего не значущее существо в мире гигантских сил; что он не может снискать себе пищи, одежды и жилища, разве только с помощью благосклонного участия той превознесенной силы, которая владеет шахтой и дает ему деньги в обмен за труд.

Тот союз, к которому принадлежит шахтер, не заботится как следует о нем, а поэтому он полагает, что благополучие его семьи, даже сама жизнь зависит от каприза этой силы и он преклоняется пред нею подобно тому, как падал ниц дикий человек пред своим кровью запятанным идолом, чтобы воздать ему жертву и просить дарования жизни.

Но корпорации капиталистов наших дней сильнее всяких идолов. Капиталисты могут не только даровать жизнь, но и лишить ее, или, по меньшей мере, лишить всех жизненных благ, если им это желательно. А факты говорят за то, что капиталисты именно к этому стремятся. В отношении к углекопам это стремление выражается в новом походе шахтовладельцев за дальнейшее сокращение платы за труд. На основании прошлого можно судить, что то, к чему стремятся капиталисты, достигается ими благодаря отсутствию среди рабочих революционного объединения, сознания своей силы и солидарности в борьбе. Класс паразитов пользуется таким положением дел и посредством монополии над продуктами к жизни, над прессой и всеми учреждениями создает машину, которая, подобно тискам мертвой руки, сжимает живое тело рабочего и не дает ему ходу.

Но это не может бесконечно продолжаться. Капитализм со своим мешком, набитым живыми трупами, со своими виселицами, тюрьмами, судьями и проповедниками, со своими обтрисами древней морали, со своими темными застенками и казематами может, пока что, торговать углем, так обильно политым кровью шахтера, и наживать прибыли для развратной жизни паразитов, но он не сможет противостоять силе оформляющейся революционной Армии Труда, также как туман ночи не может противостоять действию лучей яркого солнца!

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ

III

Классовая война.

Хотя статистические данные и имеются всегда под руками, но было бы бесцельно обременять эту статью таблицами в доказательство того, что не требует доказательств и является всем известным — того, что голод и нужда могут быть найдены во всякое время среди миллионов рабочих.

Еще недавно в результате голода происходила отчаянная борьба в широких размерах в угольной индустрии; угрожала война также и в транспорте. Мы только недавно пережили забастовку рабочих железнодорожных мастерских, в которой принимало участие не меньше 400.000 рабочих; наблюдается также сильное движение среди текстильных рабочих. Строительные рабочие в Чикаго и в других городах до сих

пор ведут борьбу против своих контракторов. До сих пор еще свежа в памяти забастовка рабочих с стальной промышленности. Мясная индустрия теперь еще не оправилась от общей забастовки рабочих скотобоен, имевшей место несколько лет тому назад. Нефтяники в калифорнии; портовые рабочие на берегах обоих океанов; лесные рабочие в нескольких штатах; печатники — по всей стране существовало и существует такое положение, которое только еще больше подтверждает то, что хозяева и рабочие не могут жить мирно. Всюду наблюдается экономическая разруха или же опасения таковой, что заставляет рабочих принимать вызов на борьбу.

Углекопы вели борьбу за возможность жить, за некоторую экономическую обеспеченность для себя и своих семей. Не-

смотря на заявления капиталистических пропагандистов, требования предъявленные рабочими угольных шахт не были чрезмерными. Наоборот, они были очень умеренными. Углекопы, спускающиеся каждое утро в темные сырые подземелья и с риском для своей жизни извлекающие из глубоких недр земли необходимое для промышленности и жилищ топливо, наверняка заслуживают того, чтобы им можно было жить так, как того требует современная цивилизация. Тоже самое справедливо и относительно рабочих транспорта. Они оказывают необходимую услугу обществу. Они составляют собою один из самых сильных факторов, гарантирующих социальное обеспечение, несмотря на то, что они сами терпят нужду и страдают от экономической небезопасности. Всюду, где есть нужда, там не может быть мира. Экономическая небезопасность всегда нарушает мир и спокойствие.

На недавнем заседании Железнодорожного Рабочего Совета в качестве свидетелей допрашивались жены и дети железнодорожных рабочих. Они умоляли комитет не сокращать заработков, так как даже и при существующих условиях они были вынуждены жить впроголодь. Женщины и дети были плохо одеты и проявляли все признаки плохого питания или просто недоедания.

Мужчины и женщины, несущие на себе обязанность родителей, могут и сносить такие условия без потери надежд на лучшее будущее. Они могут также сохранять и внешние формы спокойствия, но в их сердцах всегда будет гореть огонь возмущения. Их терпение не должно приниматься за отчаяние. Их возмущение — возмущение, не нашедшее средств для своего выражения. Временно они могут быть спокойны, подобно побежденным, под давлением насилия, для борьбы с которым они еще не нашли средств и сил. Они, однако, не могут утратить надежды на то, что конец должен наступить и что найдены будут средства для освобождения. Мира нет и не может быть, так как материал, из которого создается мир — обеспеченность — отсутствует среди рабочих.

Во всех странах среди классов наблюдается только такое спокойствие, которое победитель навязывает побежденному. До тех пор, пока капитализм в состоянии пользоваться силами принуждения, в обществе будет царить кажущийся мир и только кажушийся, так как брожение недовольства, вызываемое голодом, нуждой, сознанием небезопасности и неопределенности среди миллионов людей, действует всюду и все время. Мир, продиктованный мир — та-

ково желание капиталистического класса. Происходившие восстания всегда подавлялись с крайней жестокостью, которой могли бы устыдиться даже самые свирепые тираны истории, но дух рабочих не может быть сломлен. Каждый год, даже каждый месяц, какая-либо часть рабочего класса все еще доказывает, что стремление к свободе среди трудящихся не умерло.

Более 6.000.000 рабочих в Соединенных Штатах не имели работы во время зимы 1921-22 года. Это значит, что приблизительно 25.000.000 лиц из числа населения, равнявшегося 110.000.000 человек (один из каждых пяти человек) были лишены своего якобы «неотъемлемого права на жизнь, счастье и свободу».

Когда в городах красуются вывески, иллюстрирующие без всяких комментариев распад общества, какой глупец может думать о мире между рабочим и капиталистом. Вот некоторые из этих вывесок: «Бесплатный завтрак для безработных от 1 часа до 2-х»; «Бесплатный хлеб и суп в 4 часа. Для детей и женщин исключительно». «Бог — любовь. Сегодня бесплатного завтрака выдаваться не будет». Это — не все, но и этого достаточно. Это — не гарантии мира, а указания на то, что мира нет.

Каждый город, поселок и городишко вливают все новые и новые ряды в беспрестанно растущую армию безработных. Маленькие дети — ни в чем, конечно, не провинившиеся и на кого не может быть возложена ответственность, наравне со своими родителями делают нужду и лишения в результате безработицы. Недоразвитые физически, духовно и морально, эти дети, будущие члены общества, не имеют возможности подготовить себя к выполнению гражданских обязанностей, которые падут на них в зрелом возрасте. И все-же люди говорят о мире. Отцы и матери при виде лишений, которые вынуждены терпеть их дети, во всяком случае не могут быть настроены спокойно; не заслуживали бы они названия людей, если бы даже они и сносили все лишения безропотно.

В забытых людьми квартирах крупных городов, где запасы пищи по обыкновению очень малы и где одежда плоха и недостаточна; в заполненных людьми воюющих ночлежках и постоянных дворах, где забытые нуждой рабочие влечат свое жалкое существование, скрывая свое почти нагое тело от сильных холодов; в домах рабочих, где затаенная безработица принесла страдания; в лесах, где трясутся от холода ветераны «войны за демократию», — ежедневно происходят неопишемые драмы на почве холода и голода. Мир? Какой же

может быть мир. Мир при таких условиях был бы миром мертвого духа, мертвого в своих стремлениях, мертвого и немного ко всякому сознанию справедливости, права и ответственности. Мира нет, и потому что его нет, имеются надежды на мир и на рабочих.

Фермер, этот человек мира, лишенный своих урожаев и настолько, что начинает казаться, что он не вырастил ни одного бушеля пшеницы, тоже не мирно настроен. Подобно рабочему, его тревожит экономическая необеспеченность, а это не ведет к миру. Углекопы, железнодорожники, строительные рабочие, нефтяники, текстильщики, рабочие морского транспорта, рабы стальной индустрии, везде и всюду рабочие жаждут мира, покоящегося на экономической обеспеченности. Все другое, не гарантирующее этого главного условия,

означает только перемирие, которое закончится новой борьбой.

Организованный класс капиталистов старается навязать свою волю обществу. В оппозиции к нему стоит неорганизованный рабочий класс, который учтет урок преподанный ему поражениями, в конце концов организуется и научится вести борьбу за полную и конечную победу.

Сотни тысяч людей в Нью-Йорке и Чикаго, голодные и необеспеченные, с другими миллионами безработных, разбросанных по всей стране, категорически отрицают заявление о том, что сейчас царит мир и спокойствие. Еще никогда со времени зарождения капитализма не было мира и не будет до тех пор, пока вместо капитализма не будет учреждена другая, более разумная, социальная система.

Канаван.

О диагональном отрезе, капусте и о прочем

Рабочие, кредитуются во многих торговых предприятиях, закредитовываются настолько, что буквально попадают в рабство, в то же время не удовлетворяя своих самых насущных потребностей.

(Из газет).

Сказано, что человеческая природа несовершенна и крышка!

Не верите? Очень печально!

Доказательства? Пожалуйста!

У Сысоя Пыжика на всю дворяно, т.-е. на все его семейство, как у Гоголевского Плюшкина, имелась всего одна пара сапог.

На счет штанов же Пыжика и говорить неудобно. Как посмотреть на человека со всех его фасадов, так и стыдобушка головушке...

Что не говори, а жизнь Пыжика при таких условиях — не жизнь, а видимость одна, и тьмита света вольного...

Но сегодня Сысой в мечтании. Придя с работы и набив живот «чем бог послал», Сысой развалился на кровати с задираннием ног прямо к божнице.

— Мать, а мать, на-ка ордер. Кредитуемся. Будя, походили холопами, пора и паннами! Тебе — перво на перво отрез на жакетку, а то без жакетки как-то неудобно, а мне — на штаны в полоску диагоналевою, Пашке, сволочи, бесприменно шапку надо. — И у Сысоя, от блестящих перспектив, в голове кружение.

На утро Сысой со всеми чадами и домочадцами — в магазин. За прилавком приказчики, с видом дипломатов заграничных, но ничего, вежливые.

— Брюки? С удовольствием... На жакет?

Превосходный драп имеется!.. Пожалте!..

И на прилавке закрутились куски сногшибательной мануфактуры.

У жены Сысоя глаза, как фонари паровозные, так и горят, а Сысой только тормоз Вестингауза изображал — баба, а потому и уклоны могут быть бабы.

Штаны выбрали на «тыщу двести», жакет — на ять Пашка, заломив новую шапку на затылок, с присвистом впереди триумфального шествия... На душе у всех синицы с щеглятами распевают!.. Хорошо!..

Мануфактуру мать в сундук спрятала. А Сысой на работу опять в срамотных штанах зашагал.

Артельщик выдавал заработок, уставившись скорбно на Сысоя и пропел:

— Тут, Пыжик, с тебя причитается, а не тебе!.. Ну, да ладно, я не злой человек, распишись, да иди с миром!..

Так в другую и в третью получку. Жена Сысоя в голос.

— Ах ты старый чорт. Конец-то будет, аль нет!.. — И отрезом для штанов Сысой по лысине. — Кредит берешь, а назад не глядишь? Чем жить будем? Картохи нет, капуста подорожала, хлеб — никакого приступа!.. Вон с своим кредитом, чтоб глазаньки мои на тебя не глядели!..

Взял Сысой отрез диагоналевым и на базар к торговцу:

— И-и, милый, катись кренделем, много тут вашего брата ходит, у всех не укупить...

Ходил, ходил Сысой, все же продал ненавистный ему отрез, а на вырученные

деньги купил два кочна капусты, для умиротворения женой утробы, и заплату на собственные хотя и ажурные, но все-же заслуженные штаны...

Ну, как же можно после этого человека

назвать существом совершенным, ежели отрез на штаны и капуста — в нем никак не совмещаются?

Ал. Бар.

(Саратовские Известия, 21-XI-24. № 264).

Нужны ли рабочим классовые организации?

Много уже писалось и говорилось по вопросу о классовых организациях рабочих и в большинстве случаев заинтересованные в объединении и освобождении тружеников товарищи приходили к тому выводу, что рабочие должны иметь свои классовые организации. Но за последние годы в Америке среди русской колонии появилось течение, которое в корне отрицает этот вопрос и желает доказать обратное, т.-е. что рабочим классовые организации не нужны и что вся русская колония должна объединиться в одну общую организацию, не разделяясь на классы, мотивируя это тем, что все классовые организации только вредят рабочим. Мы, конечно, далеко расходимся с этим взглядом на организацию русской колонии в Америке. Мы на опыте убедились, что при всем старании, даже искреннем, нельзя объединить необъединяемого. Мы стоим на принципе классовой борьбы, весьма заинтересованы в ней и поэтому говорим, что рабочим крайне нужны классовые объединения, если они намерены когда-либо избавиться от существующего ныне неравенства.

Кому-либо на первый взгляд может казаться, что в Америке и в странах Европы существуют сильные классовые организации рабочих. Но стоит поближе всмотреться в действительность и станет видно, что очень многие из этих организаций находятся под влиянием если не буржуазных, то так называемых политических партий, и играют не ту роль, которую им следовало бы играть.

Социалисты и коммунисты-государственники кричат за поддержку рабочих организаций. И это понятно, так как даже некоторые из них сами открыто заявляют, что рабочие организации должны служить в их руках орудием для захвата политической власти.

Большевики до захвата власти боролись против влияния меньшевиков в профсоюзах и обещали рабочим все блага земные лишь-бы они помогли им захватить власть. Но когда это случилось и большевики оказались у власти, так очень скоро, на втором всероссийском съезде профсоюзов, Ленин начал требовать огосударствления союзов, т.-е. отнятия их самостоятельности. И результаты этого всему миру известны

— от профсоюзов остались одни вывески.

Английские рабочие союзы, руководимые консервативными главарями, тоже еще так недавно пережили «преlestи», доверив политикам и позволив им свить себе гнездо там, где в сущности они не должны иметь места. На первых днях исполнения своих функций «рабочее» правительство Великобритании еле не дошло до подавления забастовки рабочих городских железных дорог вооруженной силой. Это уж совсем не напоминает выполнения данных при выборах обещаний (а на них никогда не скупятся представители политических партий), которые повисли в воздухе.

Но характеризуя цеховые организации рабочих, можно и не обращаться за примерами к другим странам. Таких примеров имеется даже больше чем нужно как раз под руками. Американская Федерация Труда с недавно почившим президентом, руководившим ею в течение сорока лет, а также и многие независимые союзы изобилуют фактами доказательств того, как пагубно отзывалась на рабочих идея классового сотрудничества. И кажется, что нашим русским проповедникам амалгамации рабочих с их вековыми врагами, всегда свысока смотрящих на рабочих, как на чернь, следовало бы иметь в виду уроки преподанные историей.

Америк. Федерация Труда официально существует как неполитическое цеховое объединение рабочих. На самом же деле она, как и появившаяся года 2-3 тому назад «Просветительная лига тред-юнионов», запутана с ног до головы в политических шантажах и уже поэтому перестает быть классовой организацией. Гомперс со своим штабом принимал самое активное участие в политике. При каждом выборе президента Соединенных Штатов он раз'езжал по стране и агитировал свою паству голосовать за того кандидата, которому он обещал послужить. Он делал это как личность, но всегда рекламировали его как президента А. Ф. Т. и влияние его на рядовых членов федерации было почти абсолютным — они подавали свои голоса по указанию. Что же касается «Просветительной лиги тред-юнионов», так она является подсобным инструментом коммунистов-большевиков. В последних президентских выборах

А. Ф. Т. официально считала своим кандидатом Лафолета, а «Лига» — Фостера.

Итак, мы видим, что те рабочие организации, которые следуют идее классового сотрудничества и те, которые идут на поводу лидеров от партий, хотя и красной марки, служат не своим интересам, а являются орудием для захвата власти в руки враждебного им элемента, или же поддерживают уже захваченную власть. Такие организации не могут вести борьбу за полную свободу, ибо в них первенствует политика, прямо или косвенно, а там, где она имеется, инициатива личности убивается, масса становится пассивной и вся организация оказывается в руках авантюристов, чего эти последние и стараются добиться — как цели.

Но как бы ни была плоха по своей форме, составу и по методам борьбы Америк. Федерация Труда, все же отдельные части ее добились улучшения условий труда, 8-часового рабочего дня и высшей платы за труд, что ставит их членов на высший уровень по сравнению с неорганизованной массой и предоставляет им, при желании, возможность развиваться самим и лучше воспитывать своих детей. Можно даже сказать, что это отрицает утверждение ничемности борьбы за двухкопеечную прибавку, которую так усердно порицают наши архи-революционеры. Конечно, они делают это для красивого словечка, но в душе, несомненно, они стремятся работать короткие часы, и работать чем по-легче, и получать больше платы за свой труд, пока от не зависит наше существование.

В связи с этим следует остановиться и на проповеди наших русских «ученых» о создании обще-русской организации Соединенных Штатов и Канады. Они ведь аполитичны, они «гуманисты» и пр. и т. п. Чего же они надеются достигнуть в желании объединить рабочего с кабатчиком, попом, генералом и князем, если хотят. Думают ли они, что эти элементы совместимы в одном целом при системе капитализма и что отвлеченные лозунги «просвещенности» укротят их классовый антагонизм? Пусть на эти вопросы они сами дадут ответ, а что касается нас, так мы заранее скажем, что эта «идея» не стоит и выеденного яйца и заранее обречена на неудачу. Ей нет и никогда не может быть места среди рабочих. Но что им до рабочих? Они ведь радетели чего-то более высшего, чем классовые объединения тружеников. Их коньком является «колония», «публика» и т. д. А быть может они и правы. Рабочие еще не достигли нужного им развития, а поэтому и нужны среди них люди просвещенные из высокопоставленных слоев — одним словом, по мнению наших «гуманистов»,

рабочим нужны пастыри и наставники для вдалбывания им идеи о сотрудничестве с капитализмом, о том, как выдвинуться в «люди», и открыв лавочку или какое-либо иное предприятие загребать большие прибыли в противовес борьбе за пятак. Не заманчиво ли это? Не представляет ли это превосходства по сравнению с задачами классовых рабочих организаций, которые стоят на принципе долгой и упорной борьбы за освобождение, а не на задаче скорой наживы?

Отсюда уже легко сделать заключение и о том, какое просвещение преподносят они рабочим.

К счастью для революционного рабочего движения этот крутой поворот в среде некоторой части русских рабочих в Америке, не имеет здоровых корней под собою.

Но вернемся к поставленному здесь вопросу: нужны ли рабочим классовые организации? Помимо наших положительных утверждений, нужда эта подтверждается и самой жизнью. История рабоч. движения доказывает, что только там ведется успешная борьба рабочими, где есть наличие более или менее сильной организации основанной на принципе общего действия против буржуазии и установленных ею прав частной собственности. Революционные синдикаты Европы и И. Р. М. Америки служат этому наглядным примером. Обратите ваше внимание на то, что сделано рабочими синдикатами во Франции, Германии, Испании и Италии, а также и на то, что достигнуто членами организации И. Р. М. в Соединенных Штатах, главным образом в юго-западных штатах, и вы убедитесь, что их историческая и очень многозначущая революционная борьба ведется только самими рабочими, а все другие «просвещенные» элементы человечества и ухом не ведут, остаются безразличными к этой борьбе и тем самым дают молчаливое одобрение террористическим поступкам черных сил реакции.

Мы не отрицаем существования классовой борьбы, наоборот, мы признаем ее неизбежной до тех пор, пока существует разделение людей на классы, а отсюда идет и само начало нашей агитации за классовые организации рабочих. Разумеется, таких организаций, которые одинаково ведут борьбу как против буржуазных идей объединения рабочих при существующем порядке вещей с генералами и попами, так и против верных слуг государства — политических дельцов и их партий.

Старый, но вместе с тем новый лозунг, что **освобождение рабочих — дело самих рабочих**, подтверждает это.

Б. Еленский.

ДОКЛАД ДЖОНА ТЕРНЕРА

Члена британской рабочей делегации, посетившей Россию, берлинскому и парижскому комитетам защиты революционеров, подвергнутых тюремному заключению в России.

Руководствуясь мандатом вышеупомянутых комитетов, я сделал то немногое, что возможно было сделать для того, чтобы ознакомиться во время моего пребывания в России с положением революционеров, подвергнутых советским правительством тюремному заключению за политические преступления.

1. Что касается обращения с политическими заключенными в разных концентрационных лагерях на Соловецких островах, то я еще в начале моего пребывания в России наводил об этом справки, и сначала представители Всероссийского Совета Проф. Союзов сказали мне, что, может быть, мне дана будет возможность добраться до этих лагерей и посетить их. Но дня через два мне сообщили, что вследствие морозов и снежных заносов прекратилось всякое сообщение с Соловецкими островами, как пароходное, так и железнодорожное. В Ленинграде мне, однако, удалось побеседовать с одним товарищем-анархисткой, которая побывала на Соловецких островах. Эта анархистка сообщила мне, что тюремная стража обращалась с заключенными действительно очень дурно. Когда я ее спросил, обращаются ли теперь с заключенными так же плохо, как обращались с ними во время ее пребывания на Соловецких островах, то она ответила, что некоторое улучшение наблюдается, но что обращение все еще дурное.

2. Я наводил справки о причинах ареста, высылки и все еще продолжающегося заточения в тюрьму А. Барона. В Москве сначала мне ничего не удалось узнать об этом, но как раз перед моей поездкой из Москвы на юг России мне пришлось познакомиться с целым рядом товарищей, которые сказали мне, что арест Барона объясняется тем, что его «подозревали в бандитизме*»). Жена его, которая была арестована вместе с ним, впоследствии бежала, была снова арестована и казнена, как утверждали, за участие в нападении на банк, во время которого было убито несколько человек как со стороны нападав-

ших, так и со стороны охраны.

По возвращении моем в Москву мне сообщили, что получены известия о том, что ожидают освобождения Барона из тюрьмы в нынешнем (1925) году, хотя пока неизвестно, разрешат ли ему приехать в Москву, или же он будет отправлен в ссылку.

3. Что касается положения Марии Вегер, некоторое время содержавшейся в больнице Бутырской тюрьмы, в Москве, то, как только здоровье ее достаточно поправилось, ее отправили обратно на Соловецкие острова.

4. На вопросы мои о местопребывании Давида Когана мне сообщили, что он был расстрелян два года тому назад, так как подозревали, что он террорист. Об Ахтырском же мне ничего не удалось узнать.

5. Действительных причин высылки Е. Рубинчика в Сибирь не удалось выяснить. Мне сообщили, что он все еще находится в Сибири.

6. Точно также мне ничего не удалось узнать о причинах ареста и ссылки на Соловецкие острова Олонецкого, но мне сказали, что он попрежнему содержится на одном из этих островов. Лица, с которыми мне пришлось беседовать об Олонцеком, сказали мне, что его заподозрили в бандитизме или терроризме, или же в контр-революционных склонностях — обвинение весьма неопределенное, но всегда достигающее цели — и что с ним поступили соответствующим образом.

Мне не удалось раздобыть никаких копий обвинительных актов против вышеупомянутых лиц, а также копий протоколов судопроизводства и приговоров по их делам.

Из тюрем я имел возможность посетить одну только Бутырскую тюрьму в Москве. Там я беседовал с Тимофеевым, членом Испол. Комитета партии соц. рев. Я нашел его сильным, энергичным и чрезвычайно озлобленным против современного режима в России. Повидимому он был обрадован и заинтересован тем, что в других странах есть люди, интересующиеся фактами заточения в тюрьмы революционеров в России.

Он сообщил мне, что за пять месяцев перед тем заключенным впервые было разрешено прогуливаться днем по корридорам и беседовать друг с другом. Делегация застала заключенных гуляющими по корридору, и членам ее было позволено беседовать по-английски с теми из заклю-

*) **Примечание.** В действительности А. Барон, его жена Фаня и несколько десятков их товарищей были арестованы 25-26 ноября 1920 г. в Харькове, куда все они приехали на Всероссийский Съезд Анархистов, который должен был состояться легально, с ведома советских властей.

ченных, которые знали английский язык, и через переводчиков с теми, которые не понимали по-английски.

Можно было разговаривать с заключенными в коридоре или же наедине, в их камерах.

Мне не удалось повидаться с Марией Спиридоновой и Александрой Измайлович. Я, однако, узнал, что они все еще содержатся в одном находящемся близ Москвы учреждении...

Что касается общего положения дел в России, то тщательно ознакомившись с ним, я нашел следующее:

а) Что в России нет свободы печати, как она понимается в Западной Европе и в Америке и что в России, в сущности, невозможно издавать такую газету, на которую в других европейских государствах и в Америке смотрели бы как на совершенно безвредный, независимый орган печати.

Насколько мне известно, цензура чрезвычайно строга даже по отношению к органам печати, носящим, повидимому, коммунистический характер. Приведу хотя бы следующий пример. Я узнал, что в 1923 г. в Москве выходила независимая газета, посвященная преимущественно вопросам о рабочих союзах, кооперации и вопросам этическим. Тот факт, что в продаже появилась независимая газета, заинтересовал публику, и на следующий день было куплено 45.000 экземпляров ее второго номера. Третий номер также был разрешен цензурой. Но то, что 2-го номера газеты было продано 45.000 экземпляров, встревожило советских властей, и полицией был произведен обыск в типографии, в которой печаталась газета. При этом были конфискованы все оставшиеся еще не проданными уже вышедшие номера газеты, несмотря на то, что, как уже было упомянуто, номера эти были разрешены цензурой. Типография газеты была закрыта и опечатана. Через месяц или два в типографию снова явилась полиция и забрала шрифт и разные другие принадлежности. При этом никто не был арестован, и не было объяснено, чем вызваны подобные меры. Когда я спросил, почему же редактор или кто-либо из лиц, имевших отношение к этой газете не сделали запроса по поводу ее закрытия, то мне ответили, что опыт показал им, что, если бы они сделали подобный запрос, то, вероятно, их арестовали бы советские власти, обьявив им, что их надо расспросить кое о чем. А в таком случае их могли бы держать под арестом неопределенное время в ожидании расследования этого дела.

в) Насколько мне удалось разузнать, в советской России не существует свободы

слова и собраний ни для кого, кроме обыкновенных советских властей, пользующихся поддержкой со стороны коммунистической партии. Да даже и относительно представителей советской власти я не могу с полной уверенностью сказать, пользуются хотя бы они свободой слова и собраний или же и они должны получать какие-нибудь разрешения на устройство собраний.

с) Из рассказов выяснилось, что политические заключенные, находящиеся на Соловецких островах, а также в разных тюрьмах Сибири и Туркестана и в концентрационных лагерях, содержатся в них по разным причинам. Очень многие подвергнуты заключению на том основании, что их подозревают в сочувствии к тому, что теперь в России известно под названием «контрреволюционных идей». Насколько мне удалось узнать, к лицам, держащимся таких контрреволюционных убеждений, относят всех тех, взгляды которых «правее» или «левее» принципов, лежащих в основе существующего режима, и которые совершили какие-нибудь поступки, обратившие на себя внимание властей или подавшие повод к доносу. Все такие лица рискуют быть арестованными и подвергнутыми допросу; и если власти не будут удовлетворены ответами арестованных, то их заточают или с ними расправляются так или иначе.

д) Те немногие сведения, которые мне удалось собрать относительно обращения с политическими заключенными в тюрьмах и концентрационных лагерях, в том числе и с лицами, находящимися на Соловецких островах, все указывают на то, что обращение с такими заключенными было чрезвычайно дурным, но что в настоящее время оно немного улучшилось. Положение дел в тюрьмах и лагерях, повидимому, указывает на то, что представители коммунистического советского строя были охвачены паникой и опасались, что им не удастся остаться у власти, и что, побуждаемые страхом, они стали поступать так, как всегда поступают правители, боящиеся за прочность своей власти.

На основании подробных расспросов лиц, с которыми мне удалось познакомиться, у меня сложилось такое впечатление, что по мере того, как в России наступает некоторое успокоение, худшие проявления политической паники со стороны лиц, находящихся у власти, сглаживаются, и отношение этих властей к лицам, несогласующимся с их взглядами, видоизменяются...

Не надо забывать того, что делегация, одним из членов которой я был, поставила себе обширную программу работ и что только изредка по вечерам, освободив-

шись от участия в какой-нибудь предпринятой делегацией работе, я имел возможность лично соприкоснуться с интересовавшими меня лицами.

Могу сказать, однако, что я посетил Кропоткинский музей и что, по возвращении моем с юга в Москву, мне удалось побывать в этом музее, когда там собралось довольно много народа для ознаменования 85-летия со дня рождения Кропоткина. На этом собрании я имел удовольствие встретить среди многих других интересных лиц Веру Фигнер.

В этом моем докладе я не могу подробно объяснить те затруднения, которые я испытывал при моих попытках поведать-

ся с интересовавшими меня лицами. Я не знал русского языка и не мог пользоваться услугами официального переводчика, которыми, естественно, пользовались в то время занятые официальными делами члены делегации. Поэтому прошло некоторое время, прежде чем мне удалось собрать какие бы то ни было частные сведения. Однако, в конце концов, мне удалось добыть их, и еще до упомянутого мною собрания в Кропоткинском музее я познакомился с целым рядом лиц, от которых я имел возможность получить много ценных и полезных сведений.

Джон Тернер.

Памяти старого товарища

Телеграмма из России принесла нам скорбную весть о смерти 21-го декабря 1924 г. одного из крупных деятелей русского анархического движения — Георгия Ильича Гогеля, более известного читающей публике под именем Оргенани. При всех условиях, смерть этого глубоко-убежденного и знающего пропагандиста была бы большою потерей для нашего дела; в настоящее же время, когда люди так нужны, когда принципиальная устойчивость — такое редкое явление, а формирование умственно-подготовленных деятелей встречает почти неодолимые препятствия, эта потеря особенно чувствительна. С Гогеля уходит один из тех, кто умел высоко держать знамя анархизма, о ком можно было заранее сказать, что он никогда не изменит ему, кого и враги всегда должны были уважать.

Почти вся деятельность Гогеля протекла за-границею. Я лично познакомился с ним в 1901 году, в Женеве, — и с тех пор и до самой войны, прекратившей нашу русскую пропаганду, мы с ним всегда работали в одних и тех же группах, в одном и том же направлении.

Гогеля с самого начала примкнул к той русской группе, которая, с 1894 года, занималась изданием русских переводов основных произведений анархической литературы, главным образом Кропоткина. Время тогда было живое — начало возрождения революционного движения в России. Подготавливался 1905 год. Студенчество, новая рабочая молодежь, вновь явившиеся активные революционеры вступили с царским режимом в открытую борьбу. Умственная жизнь в революционной среде кипела. Слишком умеренная и акуратная социал-демократия перестала удовлетворять; на

сцену выступили с.-р'ы, а среди русской молодежи за-границею появился живой интерес к анархизму, который был для нея настоящим откровением: в России тогда и не подозревали о существовании другой, не марксистской, не государственной ветви социализма. В 1903 году, Гогеля, с группой товарищей, основывает в Женеве первую (после долгого перерыва — с самых 70-х годов) нашу русскую газету — «Хлеб и Воля». Это название, заимствованное из заглавия книги Кропоткина, указывало уже само по себе на то, что новый орган будет держаться того исторически выработанного и неотделимого от рабочего движения анархизма, основоположниками которого были Бакунин и Кропоткин. Когда, приблизительно в 1904 г., заграничная пропаганда перекинулась в Россию и там основались первые анархические группы, очень разнообразного характера, т. наз. «хлебовольческое» направление всегда последовательно и непримиримо отстаивало свою точку зрения от всяких отклонений индивидуалистического типа — «чернознаменства» и «безначальства». Особенно боролись «хлебовольцы» — и Гогеля был среди них одним из самых энергичных — против т. наз. «бездомного террора» и экспроприаций, которые они считали губительными для нашего молодого движения.

В этот крайне живой и богатый событиями период, 1903-1905 гг., Гогеля сделал для русской анархической пропаганды очень много. Помимо газетных статей и брошюр, он выдвигался как талантливый оратор. На русских собраниях в Швейцарии и в Париже он являлся опасным противником для социал-демократов, перед которыми он всегда имел то преимущество, что был хорошо знаком не только с анар-

хизмом, но и с теориею и практикою социал-демократии, тогда как с.-д., если и знали свое, то в анархизме обнаруживали полное невежество. Кроме того, Гогелия располагал в свою пользу своею добросовестностью, выгодно отличавшею его от большинства социал-демократических ораторов: он не прибегал к сомнительным полемическим приемам и опровергал не самые слабые, а самые сильные стороны противника. Это создавало вокруг его рефератов атмосферу идейности, которая не менее самого их содержания шла в пользу нашей пропаганды.

После 1905 г. Гогелия на некоторое время уезжает на Кавказ. По его возвращении за-границу в конце 1906 года, мы с ним опять встречаемся на общем деле: в редакции газеты **Листки «Хлеб и Воля»**, выходившей в 1906-7 годах под общим руководством Кропоткина. В последующие годы Гогелия участвует в женеvской газете **«Буревестник»**, издает несколько номеров журнала под тем же старым названием **«Хлеб и Воля»**, составляет брошюры, читает рефераты. Но главным образом он за-

нимается теперь вопросами западно-европейского революционного синдикализма и рабочего движения и готовит большой труд по истории его*). В 1914 г. мы с ним еще раз — в последний раз — участвуем вместе в редакции еще одной газеты (**«Рабочий Мир»** парижского издания). Затем наступает война, 1917 год, русская революция.

В Россию Гогелия уехал уже совершенно больным и не мог принимать там участия в революционной работе. И это делает конец его жизни трагическим: отдать всю энергию, все силы молодости подготовительной работе и к моменту, когда является, наконец, долгожданная возможность претворить идею в жизнь, сознать себя бессильным! Это еще увеличивает горечь нашей потери. Сохраним же добрую память о нашем заслуженном, слишком рано ушедшем товарище!

М. Корн.

*) Рукопись этого труда, как я слышала уже вполне законченная, пропала в последние годы в России.

Человеческое рабство

Рабство включает в себя все другие преступления. Оно является смешанным продуктом похитителя, вора, убийцы, пирата и лицемера.

Оно унижает рабочих и портит богачей. С идеей о том, что труд является основой прогресса, связано справедливое утверждение о том, что рабочие должны быть свободны.

Я хотел бы, в конце концов, видеть мир в таком состоянии, когда человек мог бы умереть без боязни, что он оставляет свою жену и детей на произвол зависти, жадности и жестокости человеческой расы.

Нечто неладное творится с правительством, в условиях которого люди, производящие все не имеют ничего. Нечто неладное творится, когда честность ходит в тряпках, а неправда пышно одевается; когда любимые нежные едят корку, а нечестивые сидят на банкетах.

Рабочий люд должен объединиться и защитить себя против тунеядцев. Вы можете

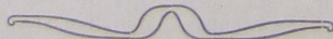
разделить человечество на два класса: рабочих и лентяев; тех, кто поддерживает и тех, кого поддерживают, честных и нечестных. Всякий человек, живущий на неоплаченный труд других, нечестен, безразлично, если такой человек сидит даже на троне.

Мы нуждаемся в свободных умах, в свободном труде и в свободной мысли; в нескованных цепями руках. Свободный труд даст нам богатство; свободная мысль даст нам правду.

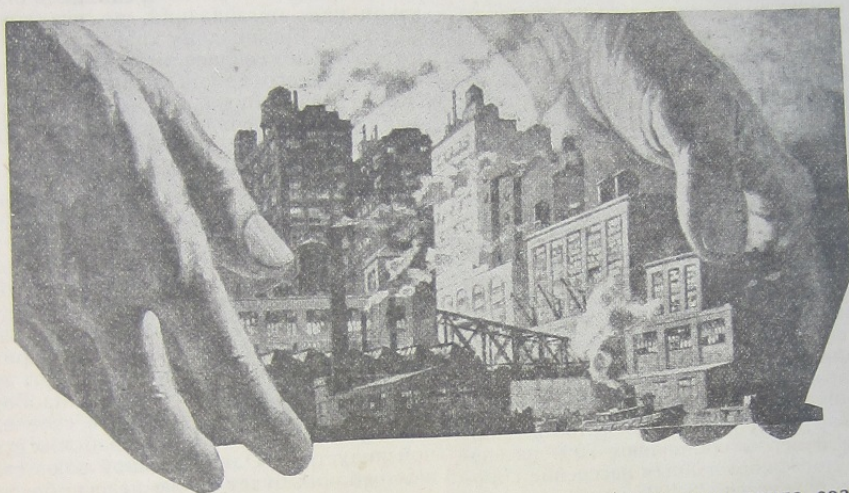
Человечество никогда не даст нам свободного поколения, если не будет создано свободного положения женщин — свободных матерей. Когда женщины мыслят и дети сидят на коленях философии, победа ума над темнотою будет полной.

Права мужчин и женщин должны быть равными и священными. Каждая семья должна быть республикой, каждый очаг — демократией.

Роберт Ингерсоль.

МОГУЧИЕ РУКИ ТРУДА

Направляемые своим изобретательным умом могучие руки труда создают все чудеса техники и усовершенствования в индустрии и только для того, чтобы пронирливые капиталисты скопляли все больше и больше прибылей в форме акций и облигаций в банковых кассах, где они манипулируют ими так, как им диктуют соображения частной наживы и личного обогащения.

В стальных заводах Гэри

Не прошло и 19 лет с тех пор, как мечта Моргана и его назначенца, Э. Гэри, о подчинении своему полному контролю стальной индустрии, превратилась в действительность после того, как гигантские руки труда на месте песчаных пространств создали город и огромные сталелитейные заводы, углубили озеро на протяжении многих миль, построили огромную сеть железнодорожных путей и превратили пустынное место в самый огромный центр стальной индустрии.

Эти владения Гэри они называют Illinois Steel Co. Вместе с другими рабочими я незамеченный прошел чрез главные ворота этого огромного чудовища, чрез ряды вооруженных стражников, стоящих по огромной арене стали, где труженики 43-х национальностей создают богатства потом и кровью с риском для своей жизни, так как несчастные случаи в стальных заводах — очень частое явление. Если и существует расовая ненависть среди людей вне стен завода, внутри его этой ненависти не

дают возможности мешать работе. Урожденные американцы, белые выходцы из Южной Америки и негры со всех концов страны выполняют свой труд вместе с поляками, русскими, итальянцами, шведами, венгерцами и рабочими других национальностей. Все они слиты в одну смесь труда, проводящего в жизнь мечту империалистов, сами живя в грязи, лишениях и нужде. Завод так огромен, что можно бродить целыми часами по огромным зданиям, в коих отливаются самые разнообразные стальные изделия.

Всюду можно видеть огромные электрические подъемные краны, управляемые опытными механиками и подбрасывающие десятки тонн металла или руды с легкостью пера. Глубоко в берег врезалась огромная искусственная гавань, созданная мозолистыми руками рабочих. В ней десятки пароходов разгружают привезенную ими железную руду с далеких границ Канады, с берегов озера Верхнего. Огромные электро-магнитные краны в один раз поднимают до 15 тонн руды и разгружают

12.000-тонный пароход в течение пары часов.

Большинство рабочих, а их на заводе насчитывается более 30.000, работает по 8 часов. Многие труженики, однако, продолжают работать и по 10 часов. Имеются также отрасли труда, в которых рабочие до сих пор продолжают работать 12 часов, хотя дополнительные часы и считаются как сверх-урочное время.

На заводах до сих пор заняты негры, привезенные сюда во время генеральной забастовки в стальной индустрии в 1919 году. Прогнанные из своих насиженных мест в южных штатах преследованиями белых и линчеваниями, эти негры вместе с другими, прибывшими позднее по тем же причинам, составляют 16% всего населения города, или 12.700 человек. В городе, кроме того, насчитывается более 1.000 мексиканцев. Урожденные же американцы составляют только 30%, или 23.400 человек. Иностранцы и негры составляют 70% населения. По последним данным население города Гэри равняется 78.400 душ.

Хотя большинство рабочих в стальных заводах и зарабатывают очень мало, среди них имеются и привилегированные группы, зарабатывающие от 10 до 20 дол. в день. На этих то рабочих стальной трост всегда и рассчитывает в случае разногласия со своими рабами.

Рабочие 43-х национальностей заняты в стальных заводах, но все они гнут свою спину перед одним и тем же хозяином и

все они сносят одно и то же индустриальное рабство. Пока что среди рабочих нет какой-либо организации, но все говорят за то, что организация крайне необходима и скоро будет создана, и тогда администрация Стального троста должна будет просить генерала Вуд'а, чтобы он вновь прибыл со своими солдатами и объявил город на военном положении.

Для рабочих-организаторов в Гэри имеется широкое поприще, а среди рабочих замечается сильное стремление к индустриальному юнионизму. Ничто лучше не указывает на это, чем отношение самих рабочих во время забастовки 1919 года. С большим трудом даже в то время рабочие были разделены на 24 так называемых интернациональных союза. Они хотели принадлежать к одному юниону, но лидеры тред-юнионов не хотели этого. Они, наоборот, хотели еще больше расширить свое влияние и распространить его на рабочих стальной индустрии. Один большой союз стальных рабочих будет также целесообразен и также силен, как и один большой союз стальных баронов. Задача создания такого союза лежит на нас. Мы должны проникать в ряды стальных рабочих и распространять среди них идею революционного индустриального юнионизма. Это может быть сделано и должно быть сделано, а вторичное появление генерала Вуд'а в Гэри не будет опасным, так как рабочие смогут одним своим решением лишить капиталистов прибылей.

— И. Г.

ИСТОЧНИК ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Первый человек, который огородил кусок земли и сказал, что «это мое», а потом нашедший поверивших ему людей, был основателем общества, покоящегося на частной собственности.

Сколько преступлений, войн и убийств, сколько бедности и ужасов избежнуло бы

человечество, если бы кто-либо, не медля, разрушил первую ограду земли под частную собственность и заявил: «Берегитесь! Не слушайте этого самозванца. Вы погибнете, если забудете, что земля принадлежит никому, а ее продукты всем».

К ЧИТАТЕЛЯМ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

Товарищи рабочие!

«Голос Труженика», как печатный орган, существует для того, чтобы отражать жизнь и настроения, а также и взгляды на социальное и экономическое положение широкой рабочей массы.

Это возможно только при наличии вашего активного участия в нем.

Пишите в «Голос Труженика» письма и корреспонденции о вашей жизни и работе на фабриках и заводах и в других местах вашей работы, которые всегда будут помещаться на страницах «Голоса Труженика».

СРЕДИ КНИГ

«Anatole France en Pantoufles»,
J. J. Brousson, Paris.

«Анатоль Франс в домашних туфлях»,
Ж. Ж. Бруссона, Париж.

Теперь, как-будто, в моду вошло среди революционной писательской братии ругать недавно умершего А. Франса. На страницах «Либертера» (органа анархической федерации Франции) можно было найти много злых, порой даже несправедливых, статей, посвященных ему при его жизни еще и после его смерти. Двухмысленно было отношение коммунистов к нему: еще недавно А. Франсу посвящались весьма хвалебные передовицы и — вдруг, как бы по приказу, его начали критиковать и, вслед за тем, ругать.

Должен признаться, что автор «Крэнке-бия», и многих других ярких страниц художественной литературы, вполне заслужил резкие нападки. Ведь он многих из нас (и меня в том числе) жестоко разочаровал и, даже, оскорбил. Вспомним только: давно это было, а между тем, как будто еще только вчера. Сентябрь 1914 г. Вся Европа объята пламенем войны. Отвратительное умопомрачение шовинизма, человеконенавистничества и неизъяснимой дикости овладело людьми. Большинство революционеров и мыслителей изменило себе и — делу, которому оно всю жизнь, зачастую, служило. Люди зарычали, завывали кроважбно, бешено, истомно. К этому отвратительному концерту людоедов примкнул — увь! и Анатоль Франс, наш (почти) Франс, тот самый, который так едко и остроумно высмеивал в своих произведениях милитаризм и национализм!

Да, мы знали: Франс никогда **целиком** не принадлежал нам, был он эlegantным эпикурейцем, литературным гурманом («лакомкой»), насмешливым (вернее, наплевательски-настроенным) и умным мешанином. Все же, его переход в лагерь ярых патриотов, напыщенного национализма и немцевства меня тогда опечалил. Очень немногим, видно, пока дано умение плыть против течения...

Десять лет прошло с тех пор. Под бременем страданий, борьбы, побед и поражений мы все как-то повзрослели, глубже стали и, может быть, даже поумнели (в этом последнем я не вполне убежден). На многое и на многих мы научились иначе (кажется, вернее) смотреть. Еще ярче, определеннее и резче в нас ненависть к наше-

му классовому врагу, капитализму, — источник моря слез и крови.

Анатоль Франс для меня уж давно умер. Стихли разочарование, боль и раздражение. Осталось лишь легкое воспоминание о тонком, умном и начитанном (пожалуй, слишком начитанном) полутчике, который не захотел, не сумел стать «вечным спутником».

Книжка «А. Франс в домашних туфлях», написанная бывшим его секретарем, Ж. Бруссоном, доставила мне несколько минут удовольствия и — размышлений. В сущности, в этой книжке мало рассуждений об А. Франсе. Мы в ней видим и слышим **самого** Франса:

О вере в бога. «Расстройство тела вызывает и душевное расстройство. Вера в бога, суеверие — это болезни. Чаще всего, природные болезни. Иногда с ними умирают, без особых неприятностей, так, как живут, будучи больными чахоткой, артерию-склерозом или раком. Но наступает кризис и — отдают себя в распоряжение бога и микстур. Несколько лишнего грамма сахара в моче достаточно для того, чтобы беспутник пошел к обедне».

«Я возмущаюсь при чтении первой-же заповеди: «Да не будет тебе бози...» Нет, все боги, все храмы и все богини».

О Наполеоне. «Это — шут и больной человек».

Грустно и тяжело чувствовать себя старым. Особенно, когда сердце еще так молодо и так влюблено во все то преходящее и вечное, что составляет прелесть жизни. Он говорит своему секретарю:

«Есть только одна наука: любовь! есть только одно богатство: любовь! есть только одна политика: любовь!»

Но А. Франс под любовью понимает только половую любовь, обладание чисто телесное. Это много радостей нам в нашей жизни дает, но нам это уже не достаточно для того, что-б счастье завоевать. Наше внутреннее «я» безудержно к большему стремится, к самопожертвованию, к самораспоряжению, к любви полной, наполняющей и захватывающей. А не то, если не слушаться велений своего внутреннего «я», получается душевный разрыв, конфликт, неудовлетворенность, грусть...

Вдумайтесь в следующую весьма характерную сценку, которую описывает Бруссон:

«Он, (А. Франс) берет мои руки в свои, дрожание и лихорадочные. Он смотрит мне в глаза глазами полными слез. Лицо его искажено все. Он вздыхает: «Нету на всем свете создания несчастного, как я. Ме-

ня считают счастливым. Я не был им, ни один день, ни один час».

Холодно и грустно было на душе Анатоля Франса, улыбчивого автора «Харчевни королевы Пэдокской», ибо нутра его не коснулась искра всепожирающей любви, которая, единственно, дает силы жить, ненавидеть, бороться и стремиться.

Навенад.

Положение политических ссыльных под режимом Р. К. П.

В ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
НАЧАЛЬНИКУ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА

Заявление административного ссыльного анархо-синдикалиста
Рубинчик-Меер Ефрем Борисовича.

В конце июня 1924 г. суздальский Концлагерь мне был заменен по болезни высылкой в г. Томск причем перед отъездом мне было заверено ответственным сотрудником О. Г. П. У. гр. Килем, что никаких препятствий к поступлению моему на службу О. Г. П. У. чинить не будет.

Немного на это категорическое заявление, каждый раз, когда мне удавалось найти себе работу, местное отделение Г. П. У. запрещало руководителям данного учреждения принять меня на работу.

Последнее запрещение, пятое по счету (книжный магазин Центрального Рабочего Кооператива, книжный магазин Губоно, кн. магазин Сибирского Краевого Издательства и др.) было послано в письменной форме за подписью Замнач. Томского Отдела Г. П. У. гр. Чунтонова.

После того, как я имел неопровержимое доказательство препятствий со стороны Г. П. У. к моему поступлению на работу, я решил в последний раз объяснить по этому поводу с гр. Чунтоновым и окончательно убедиться, что к работе меня не допустят.

Не имея никаких средств для лечения, я запрашивал местное Г. П. У. о предоставлении мне возможности лечиться бесплатно в одной из местных больниц, но до сих пор никакого ответа не получил.

По поводу недопущения меня к работе мною было послано заявление Замначальнику Секретного Отдела О. Г. П. У. Андреевой заказным отправлением от 13-IX-24 г., на которое я не получил ответа, а местное Г. П. У. никакого распоряжения.

Подобное положение не только не дает мне возможности лечить болезнь, но обрекает меня на голод.

Категорически протестую против подобной тактики О. Г. П. У., я настаиваю о пре-

доставлении мне возможности поехать для лечения за границу.

Ефрем Борисович Рубинчик-Меер.
Член Союза Анархо-Синдикалистов
«Голос Труда»

8-12-24 г.
г. Томск.

(Копия этого заявления получена Объединенным Комитетом Защиты заключенных и сосланных революционеров в России и напечатана в прессе Международного Товарищества Рабочих).

ИЗ ЖИЗНИ ОРГАНИЗАЦИИ И. Р. М.

Интернациональная конференция моряков
увенчалась успехом

«Мы намерены положить конец политике изоляции на этой конференции, а также выработать план действий в нашей борьбе против поработителей, против капиталистического класса», так говорилось в заявлении Союза Рабочих Морского Транспорта к делегатам, прибывшим на конференцию.

Первая интернациональная конференция рабочих морского транспорта западного полушария состоялась в Нью-Орлеане и не будет преувеличением, если мы скажем, что она положила начало для новой эпохи.

Она положила конец неорганизованности рабочих морского транспорта перед лицом организованных хозяев и даст возможность этим рабочим продолжать успешную борьбу единым фронтом. На конференции присутствовали делегаты почти всех стран Центральной и Южной Америки, как-то: Аргентины, Бразилии, Кубы, Эквадора, Мексики и др. Присутствовали и делегаты

Союза Рабочих Морского Транспорта И. Р. М., по почину которых эта конференция была созвана.

Заседания конференции открылись 1-го марта и продолжались три дня.

Из работ конференции особое внимание обращает на себя принятая единогласно резолюция с решением объявить забастовку в ближайшем будущем с требованием о повышении заработков морских рабочих, признания их организации, уплаты за сверх-урочный труд и улучшения общих условий труда на судах и в портах.

О дне объявления забастовки решения принято не было.

Следующая подобная же конференция моряков, по решению делегатов, будет созвана в Гаване, на острове Куба, в январе 1926 года.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

С. Эпштейн	1.00
И. Сачук	1.00
К. Троянов	1.00

И. Тарасюк	5.30
И. Бейлин	1.00
К. Пшеничный и Г. Спинка	10.00
Бекиш	2.50
Зеленюк	1.00
Мещанко	.50

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА» ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1925 ГОДА.

Приход:

Остаток на 1 января	100.00
Подписка	16.00
За проданные номера «Г. Т.»	65.00
Добровольные пожертвования	18.80
Литература	9.00

Итого 209.70

Расход

За печатание номеров 3—4 «Г. Т.»	104.00
Почтовые расходы	25.00
Рабочим за два номера	27.00

Осталось в кассе на 1 марта 53.41

Ревизионная комиссия.

ПОДДЕРЖИВАЙТЕ ПРЕССУ И. Р. М.

Недавно был организован в Чикаго Об'единенный Комитет Печати, состоящий из представителей от всех газет и журналов организации Индустриальных Рабочих Мира. Целью этого комитета главным образом является добывание материальных средств для обеспечения уже существующих органов печати и для создания новых на тех языках, в которых чувствуется потребность.

Комитет ведет кампанию по сбору подписки, увеличению циркуляции посредством широкого распространения газет и журналов среди рабочих и по устройству предприятий в пользу прессы. Выпущены для этой цели и подписные листы.

Некоторые наши печатные органы уже достигли значительных результатов в этом направлении, увеличили круг читателей и получили поддержку пожертвованиями со стороны подписчиков, что доказывает их товарищеское отношение к революционной рабочей пропаганде и искреннее желание поддержать ее.

Мы надеемся, что и читатели «Голоса Труженика» примут активное участие в этом весьма важном для рабочего движения деле. Действуйте, товарищи. Помогайте вашей рабочей прессе по мере сил. От вас зависит прогресс и успех всякой работы в том числе и вашей печати, ведущей в данное время подготовительную работу освобождения...

Корреспонденцию и средства помощи направляйте по адресу:

GOLOS TRUZENIKA,
1001 W. Madison Street,
Chicago, Illinois.

Об'единенный Комитет Печати.

Печатные органы организации И. Р. М.

На английском языке
INDUSTRIAL PIONEER
 (Ежемесячный журнал)
 1001 West Madison st., Chicago, Ill.
 На год 2.00
 На 6 месяцев 1.00

INDUSTRIAL SOLIDARITY
 (Еженедельная газета)
 1001 West Madison St., Chicago, Ill.
 На год 2.00
 На 6 месяцев 1.00

THE INDUSTRIAL WORKER
 (Выходит два раза в неделю)
 P. O. Box 1857, Seattle, Wash.
 На год 4.00
 На 6 месяцев 2.00

На венгерском языке:
BERMUNKAS
 (Еженедельная газета)
 1001 West Madison St., Chicago, Ill.
 На год 2.00
 На 6 месяцев 1.00

На итальянском языке:
IL PROLETARIO
 (Еженедельная газета)

158 Carroll St., Brooklyn, N. Y.
 На год 2.00
 На 6 месяцев 1.00

На финском языке:
TIE VAPAUTEEN
 (Ежемесячный журнал)
 1001 West Madison St., Chicago, Ill.
 На год 2.00

На чехо-словацком языке:
JEDNA VELKA UNIE
 (Ежемесячный журнал)
 1001 West Madison St., Chicago, Ill.
 На год 2.00
 На 6 месяцев 1.00

На испанском языке:
SOLIDARIDAD
 (Выходит раз в две недели)
 1001 West Madison St., Chicago, Ill.
 На год 1.00

На русском языке
ГОЛОС ТРУЖЕНИКА
 (Ежемесячный журнал)
 1001 West Madison St., Chicago, Ill.
 На год 1.50
 На 6 месяцев80

Книжный склад Голоса Труженика

История Индустриальных Рабочих Мира, <i>Я. Ста-рик</i>	25 с.	Великий инквизитор, <i>Н. Рубакин</i>	35 "
В переплете	50 "	Патриотизм и правительство, <i>Л. Н. Толстой</i>	10 "
Эволюция Индустриальной Демократии, <i>А. Вуд-рофф</i>	15 "	Религиозные предрассудки, <i>К. Ф. Г-ко</i>	5 "
Интернациональный сборник революционных пес-сен и стихотворений	25 "	Без родины (пьеса в 4-х действ., из жизни рус-ских в Америке), <i>А. Покатилов</i>	25 "
Один Большой Союз — величайшая вещь на зем-ном шаре	15 "	„Альянс“ и Интернационал. Интернационал и Мад-зини, <i>М. Бакунин</i>	50 "
Всеобщая забастовка и социальная революция, <i>А. Ромер</i>	10 "	Этика. Том I. — Происхождение и развитие нрав-ственности, <i>П. Кропоткин</i>	75 "
Один Большой Союз И. Р. М.	10 "	Личность и общество в анархическом мировоззре-нии, <i>А. Боровой</i>	20 "
Женщина и Синдикализм, <i>Милли В. Рокер</i>	5 "	Пелатуте и революционный синдикализм во Фран-ции, <i>В. Дав и Ж. Песто</i>	20 "
Индустриальный Коммунизм и Индустриальные Ра-бочие Мира, <i>Г. Варни</i>	10 "	Брошюры на польском языке.	20 "
Вместо программы (Издание Заграничного Бюро Р. К. А.-С.)	25 "	Трагедия России, <i>А. Беркман</i>	20 "
За что и как большевики изгнали анархистов из России, <i>Г. П. Максимов</i>	10 "	Кронштадское восстание, <i>А. Беркман</i>	20 "
Ассоциационный анархизм, <i>Лев Черный</i>	\$1.25	Коммунистическая партия и русская революция, <i>А. Беркман</i>	20 "
Как машина заменила ручной труд, <i>Гансен</i>	10 "	Государство и его роль в истории, <i>П. Кропоткин</i> ..	25 "
Необходимость революции, <i>Ж. Грав</i>	5 "	Чего хотят анархисты	10 "
		Эти интересные и весьма поучительные брошюры впервые появились на польском языке.	

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:

GOLOS TRUZENIKA,
 1001 W. Madison St., Chicago, Ill.